

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург)
**Самая (не)известная экспедиция: новые документы
о первой поездке ГИИИ в Заонежье**

S. V. Podrezova (Saint Petersburg)
**The most (un)known expedition: new documents
about the first race of SIAH to Zaonezhye**

Аннотация

Первая экспедиция Государственного института истории искусств в Заонежье в 1926 г. стала едва ли не самой известной из фольклорных экспедиций советского времени. Однако многие подробности этой поездки до сих пор не раскрыты. В статье на основе новых архивных материалов воссоздаются неизвестные страницы полевой работы ее участников – С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой, восстанавливается их маршрут, уточняется общий маршрут экспедиции. Автору удалось представить роль С. И. Бернштейна в подготовке и проведении полевой работы, уточнить авторство фонографических записей, хранящихся в Фонограммархиве Пушкинского Дома. В статье впервые публикуются архивные документы: дневник Заонежской экспедиции, письма С. И. Бернштейна к матери – П. С. Бернштейн, экспедиционный отчет, фрагменты полевого дневника С. И. Бернштейна и др.

Ключевые слова: история русской фольклористики, фонографические записи фольклора, Сергей Игнатьевич Бернштейн, Татьяна Владимировна Попова, Фонограммархив Пушкинского Дома, русский эпос

Abstract

The first ethnomusicological expedition of the State Institute of the History of Art to Zaonezhye in 1926 became perhaps the most famous of the folklore expeditions of the Soviet era. However, many details of this trip are still unknown. In the article, on the basis of new archival materials, unknown pages of this trip are recreated; the general route of the expedition is being specified. The author managed to present the role of S. I. Bernstein in the preparation and conduct of the expedition, to clarify the authorship of the phonographic records stored in the Phonogram Archive of the Pushkin House. For the first time, the article publishes archival documents: the diary of the expedition, letters by S.I. Bernstein from an expedition to his mother – P.S. Bernstein, report of the expedition, fragments of the field diary of S.I. Bernstein.

Keywords: history of Russian folkloristics, phonographic recordings of folklore, Sergey Ignatievich Bernstein, Tatyana Vladimirovna Popova, Phonogramarchive of Pushkin House, Russian epic

Экспедиция Государственного института истории искусств (ГИИИ) в Заонежье стала едва ли не самой известной из фольклорных экспедиций советского времени. В историю отечественной фольклористики она вошла как первая экспедиция комплексного характера, наряду с последующими поездками на Русский Север, определившая «методологически совершенно новый подход в русской фольклористике»¹. Несмотря на большое количество опубликованных материалов и печатных свидетельств, а, возможно, даже благодаря созданной ими ауре, многие нюансы первой крупной поездки остались неизвестными, а северные экспедиции в целом, по верному замечанию Е. А. Дороховой, «давно уже стали легендой отечественного народоведения»². Публикуемые ниже архивные документы являются очередным тому подтверждением.

За заонежской поездкой, как и за всеми севернорусскими экспедициями ГИИИ 1920-х гг., закрепилось понятие «комплексности». Однако эпитет «комплексная» добавился к их названию довольно поздно – ни инициаторы, ни участники поездки в Заонежье не использовали этот термин, хотя всячески подчеркивали важность многостороннего изучения художественной культуры деревни. В программном докладе организаторы экспедиции писали о необходимости преодолеть «анатомизацию» и «препарирование», т. е. раздельное изучение разных сторон крестьянской культуры разными специалистами, свойственное, по их мнению, этнографическому методу (тем самым организаторы отмежевались от этнографов и подчеркивали самостоятельность своего – искусствоведческого – метода, отсюда и название экспедиции «искусствоведческая»), и заняться изучением самого «организма», «восстановить то целое, которое социологически только и существует», установить законы, «управляющие настоящей жизнью именно целого»³. С целью преодоления «дифференциации искусства и труда» в экспедиции, по задумке организаторов, обязательно должны были работать вместе специалисты «по пластическим искусствам, и по музыке, и по словесности, и по театру»⁴. Менее пафосно о задачах полевого исследования высказывался ее руководитель К. К. Романов, который видел в заонежской традиции большой потенциал для «комбинированного изучения и разрешения

¹ Лобанов М. А. Заонежская экспедиция Зубовского института в неопубликованных материалах 1920-х годов // Вопросы этномузыкознания. 2015. № 2 (11). С. 14.

² Дорохова Е. А. Неизвестные страницы пинежских экспедиций 1927 и 1930 годов // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 4 (5). С. 40.

³ Крестьянское искусство Севера: Об искусствоведческой экспедиции на Русский Север. Л., 1926. С. 3. Ср.: «Беда только в том, что мы на первых порах не можем использовать тот материал, который собран этнографами. Ведь этнографы, воспитанники опять-таки европейской культуры, признающей лишь строго разграниченные по специальностям искусства, собирали каждый свое: один записывал “фольклорный” материал, другой – диалектологический, третий – песенный, четвертый – обряды, другие занимались вещами, причем опять архитектор знал только здания, и к о н и к собирал иконы, специалист по кружевам разыскивал кружева и т. д. В результате все народное искусство оказалось как бы анатомированным – разложенным на свои составные части» (Там же).

⁴ Там же.

многих общих вопросов, касающихся крестьянского искусства, совокупными усилиями работников всех отделов Института»⁵.

Уже на стадии обобщения своего опыта участники Заонежской экспедиции дали ей определение «синтетическая искусствоведческая экспедиция»⁶, отражающее не столько системный, сколько объединяющий характер полевого исследования. И это определение, по всей видимости, ближе всего к тому, как эта работа была организована на самом деле.

Прежде всего стоит сказать, что экспедиция не имела общей программы⁷. Экспедиционеры часто использовали отдельный метод сбора данных. В поисках материала, интересного для тех или иных специалистов, они разделялись на группы, которые работали по самостоятельным маршрутам. Даже в тех случаях, когда в одной группе работали словесники и музыковеды, запись редко велась одновременно. До нас не дошло ни одного свидетельства о том, чтобы фиксация какого-то явления производилась одновременно представителями всех специальностей⁸. Участники заонежской поездки и сами признавали, что амбициозная задача «собрать весь материал по искусству обследованного района не могла быть выполнена полностью. Пришлось брать хотя и в огромном количестве, только то, что было наиболее характерным; собрать все основные образцы по всем отраслям искусства и многочисленные варианты их не оказалось возможным»⁹. Очевидно, что не удалось им избежать того, что еще недавно они с таким пылом осуждали в этнографии, – разграничения в сборе полевого материала по специальностям.

Как и в любом большом начинании, организаторы заонежской экспедиции столкнулись с целым рядом сложностей, решить которые им не всегда было под силу. Многое – начиная от состава участников, заканчивая выбором маршрута и полевых методов – не было продумано заранее и решалось по ходу работы.

Большая доля спонтанности, присутствующая в организации заонежской экспедиции ГИИИ, хорошо видна на примере истории появления в ряду ее участников музыковедов З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса, для которых эта поездка

⁵ [Романов К. К. пишет] // Там же. С. 6.

⁶ См.: Предисловие // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 6.

⁷ Известно, что в ноябре 1925 г. на заседании Секции изучения крестьянского искусства Русского Севера обсуждалась «Систематическая программа для изучения крестьянского быта на великорусском Севере», подготовленная Д. К. Зелениным. Однако в ходе заседания прозвучало предложение сделать акцент на изучении эстетического начала в жизни северянина (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 5, № 39, л. 41). Опирались ли участники экспедиции хоть в какой-то мере на программу Зеленина, неизвестно. Сам ученый присоединился к коллегам ближе к концу поездки – 11 июля, основную часть этнографических исследований проводила его ученица К. А. Сытова. Ранее Б. В. Асафьев предложил программу по изучению народного музыкального искусства (см. ниже, сн. 204).

⁸ Этот факт на материале дневника Н. П. Колпаковой был подмечен М. А. Лобановым (*Лобанов М. А. Заонежская экспедиция... С. 7*).

⁹ Предисловие. С. 6.

была первой. Уже на стадии завершения настоящей статьи в фонде Е. В. Гиппиуса, хранящемся в Российском национальном музее музыки (г. Москва), я обнаружила интересный документ, в котором раскрываются неизвестные прежде детали подготовки экспедиции ГИИИ 1926 г. Из этого эссе мы узнаем историю приглашения в экспедицию З. В. Эвальд и ее отца – В. В. Эвальда. Во время рекогносцировочной поездки летом 1925 г. Б. В. Асафьев случайно встретился с ними в Космосере¹⁰ и обнаружил общие впечатления о песенном искусстве и неподдельный интерес к этим местам: Заонежье было хорошо знакомо Эвальдам и привлекало недавнюю ученицу Б. В. Асафьева, Зинаиду Викторовну, как яхтсменку.

Если З. В. Эвальд была нацелена на поездку заблаговременно¹¹, то Е. В. Гиппиус оказался среди участников в самый последний момент, получив предложение от Б. В. Асафьева (по рекомендации В. М. Жирмунского) буквально за несколько дней до отъезда группы в Петрозаводск. Это приглашение, без сомнения, стало частью плана профессора по возвращению в Зубовский институт ценного и перспективного молодого сотрудника (Гиппиуса), который в 1925 г. в ряду других был выведен из штата «за недостаточную активность». Так, уже 26 июня Асафьев рекомендует своего ученика в аспирантуру ГИИИ, упоминая его заслуги как музыковеда – специалиста по немецкому романтизму – и как имеющего опыт полевой работы этномузыковеда¹². Этот небольшой сюжет многое объясняет в истории первой экспедиции, а также в тех сюжетах, речь о которых пойдет ниже.

В одной из своих последних работ М. А. Лобанов на основе сохранившихся документов делопроизводства ГИИИ ввел в научный оборот множество важных деталей Заонежской экспедиции и приоткрыл одну из неприятных ее сторон – показав, насколько непросто складывались отношения внутри коллектива собирателей, а также между ее участниками и инициатором поездки – Б. В. Асафьевым. Вместе с тем, не имея в полном объеме документов официальных и личного характера, а также дневников участников этой поездки, М. А. Лобанов пришел к неверным выводам о причинах конфликтов, об особенностях собирательской и последующей архивной работы, развернувшейся в стенах ленинградского Института истории искусств в 1920-е гг.

¹⁰ О встрече Асафьева и Эвальдов в Заонежье упоминал также Е. В. Гиппиус (см. ниже, сн. 205).

¹¹ Доподлинно неизвестно, когда именно Эвальд получила это предложение.

¹² См. рекомендацию Е. В. Гиппиусу, составленную Б. В. Асафьевым: Архив РИИИ, оп. 5, д. 66, л. 7, опубликовано: *Никаноров А. Б.* Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд о своей исследовательской деятельности в 1920-х гг. // *Временник Зубовского института*. Вып. 11: *Фольклористика в Зубовском институте*. СПб., 2013. С. 74 (копия хранится в РНММ, ф. 450, ед. хр. 3199).

Ср. доводы, которые Асафьев приводит в рекомендательном письме к руководителю МУЗО А. В. Финагину: опыт записи студентки-крестьянки из одной из северных губерний, работа для института, «с которым никогда не хотел порывать, а только не мог временно работать» (полный текст приводится ниже, с. 292, сн. 208).

Вторую рекомендацию Е. В. Гиппиусу составил В. М. Жирмунский: Архив РИИИ, оп. 5, д. 66, л. 8, опубликовано: *Никаноров А. Б.* Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд... С. 74.

Согласно данным, Е. В. Гиппиус был принят в аспирантуру только в 1927 году.

Важные наблюдения ранее были высказаны Т. Г. Ивановой. Именно она впервые обратила внимание на имя фонолога и звукоархивиста, основателя Кабинета по изучению художественной речи – Сергея Игнатьевича Бернштейна, впоследствии незаслуженно вычеркнутого из истории отечественной фольклористики, и обозначила его роль в подготовке и организации экспедиции, а также установила фамилию и инициалы его помощницы Т. В. Поповой. Стало известно, что С. И. Бернштейн обучал сотрудников Отдела истории и теории словесных искусств (ЛИТО), который представлял в этой поездке, работе с фонографом¹³. Публикуемые ниже документы свидетельствуют о том, что уже по пути в экспедицию прямо на пароходе «Урицкий» Бернштейн проводил занятия «по практике и технике фонографических записей» с сотрудниками Музыкального отделения (МУЗО) – Е. В. Гиппиусом, З. В. Эвальд и, возможно, А. В. Финагиным¹⁴. К сожалению, эти важные детали остались незамеченными и не вошли в официальную историю музыкально-этнографической науки. Сохранившийся дневник экспедиции, а также другие документы, с одной стороны, позволяют увидеть, насколько слабо была поставлена подготовка экспедиционеров по части звукозаписи, и какой серьезный путь пришлось пройти молодым музыковедам для того, чтобы выполнить возложенные на них обязательства, с другой стороны, раскрывают большую роль С. И. Бернштейна в становлении фольклористики и фольклорной аудиозаписи.

Сергей Игнатьевич (Исаакович) Бернштейн (1892–1970) вошел в историю как выдающийся лингвист, автор экспериментальных исследований по фонологии и фонетике языка, один из основателей ОПОЯЗа, библиограф, историк театра, родоначальник отечественной аудиоархивистики, наконец как один из инициаторов и первый заведующий Центральным фонограммархива Государственного института истории искусств. Однако впоследствии его роль в создании Фонограммархива ГИИИ – основы будущего крупнейшего хранилища звукозаписей по фольклору, языкам и этнографии народов Евразии – была затемнена. Идеологом и организатором Фонограммархива принято считать этномузыковеда Евгения Владимировича Гиппиуса. Это мнение поддерживал и сам Е. В. Гиппиус, указывающий, например, в своей автобиографии: «В 1927 году основал в Гос<ударственном> Институте истории искусств архив звукозаписей народной музыки (Фонограмм-архив) и был назначен его старшим хранителем»¹⁵. Однако документы уверенно свидетельствуют об обратном. Данные об этом историческом событии находим в печатном Отчете ЛИТО

¹³ См.: *Иванова Т. Г.* Ирина Валериановна Карнаухова – фольклорист и писатель // Сказки и предания Северного Края в записях И.В. Карнауховой. М., 2008. С. 16.

¹⁴ См.: РО ИРЛИ, р. V, к. 2, п. 11, ед. хр. 3, л. 3. Дневник Заонежской экспедиции Г.И.И. 1926.

¹⁵ Архив Российского национального музея музыки, ф. 450, д. 3197 (КП-10959), л. 1–2. Автобиография доктора искусствоведения профессора Евгения Владимировича Гиппиуса. 7 марта 1982 г. Машинопись.

Илл. 1. С. И. Бернштейн

за 1926–1928 гг.¹⁶ Ниже мы публикуем письмо Правления ГИИИ за подписью директора Ф. И. Шмита и ученого секретаря А. В. Финагина (одного из инициаторов основания Фонограммархива) к С. И. Бернштейну с предложением возглавить создаваемый Центральный фонографический архив и представить проект его Положения (см. раздел Публикация). В рукописном варианте Отчета о деятельности Фонограммархива за 1927/1928 гг. С. И. Бернштейн изложил основные задачи Центрального фонограммархива ГИИИ и представил проспект его Положения¹⁷: «Фонограммархив образован¹⁸ постановлением Правления ИИИ от 21 октября 1927 г. в качестве обще-институтского учреждения. Задачей его является производство, соби́рание и хранение допускающих воспроизведение речевого и музыкального звучания сообразно потребностям исследовательских организаций ИИИ. Образованию Ф<онограмм>А<архива> предшествовала длительная работа ряда других учреждений, как входящих в состав ИИИ, так и посторонних И<нституту>¹⁹ <...>

¹⁶ «В виду общего интереса фонографических работ Кабинета для других отделов ГИИИ Правление Института 21/Х 1927 постановило образовать Центральный Фоноархив ГИИИ и поручить заведывание им д. чл. С. И. Бернштейну. Основной фонд общеинститутского Фоноархива составило фонографическое собрание и оборудование Словесного Отдела (Отчет о научной деятельности Отдела словесных искусств ГИИИ с 1/1 1926 по 1/1 1928 г. // Поэтика. Л., 1928. Вып. 4. С. 150). О предыстории см. подробнее: *Подрезова С. В.* Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII Конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 447.

¹⁷ Положение о Фонограммархиве было утверждено на заседании Правления 4 ноября 1927 г. (ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 23, л. 12. Отчет о деятельности Фонограммархива за 1927/28 гг. (для Правления) от 9 сентября 1928 г.)

¹⁸ Слово вписано вместо вычеркнутого «утвержден».

¹⁹ В черновой версии проекта С. И. Бернштейн называет несколько основных мотивов объединения: «1) заинтересованность нескольких Отделов – увеличение денежных средств – усовершенствование техники; 2) объединение фонографич<еских> материалов в одном хранилище. NB Неудобство с былинами. 3) точка зр<ения> представительства – демонстрация посетителям».

Илл. 2. Фонографические цилиндры с записями С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой, выполненными в Заонежье. Фонограммархив ИРЛИ РАН

Фоноархив Г.И.И.И. № 742	Шифр <u>7/40</u>
<i>Антон Борисович Суриков 68 л.</i>	Аппарат <i>М. фронт. 20</i>
Песни:	Рекордер
1) <i>Как во городе Омск</i>	Рупор <i>Лясный</i>
<i>в Казани</i>	Скорость <u>96</u>
2) <i>Песня о маришке</i>	Камертон
<i>(Казань)</i>	Время записи <u>24/VI 26</u>
	Место записи <i>Асекр, Заонежье,</i>
	<i>Сенная 24 ба, д. Конда</i>
	Производ. запись <i>С. И. Бернштейн</i>
	Продолжение
	Копирование
	Примечания

Илл. 3. Формуляр к фоновалику № 742. Запись сделана С. И. Бернштейном от Антона Борисовича Сурикова, 68 л., 24 июня 1926 г в д. Конда

Единый Ф<онограмм>А<рхив> был образован путем слияния фонографических собраний и инструментария КИХР и Пес<енной> Ком<иссии>²⁰».

Выбор Бернштейна в качестве руководителя Фонограммархива имел очень серьезные основания. В 1916 г. Сергей Игнатьевич закончил словесное отделение историко-филологического факультета Петроградского университета. Среди его учителей были такие крупные ученые, как С. А. Венгеров, Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртенэ, а также А. А. Шахматов (основатель первого в России Фонографического архива Первого славянского отделения Библиотеки Академии наук) и Э. А. Вольтер (первый заведующий этого Фоноархива). С последним С. И. Бернштейна связывали общие интересы и близкие отношения. Так, еще будучи студентом, под руководством Вольтера Сергей Игнатьевич с увлечением занимается библиотековедением (возглавляет Библиографический кружок), изучает принципы каталогизации, устройства и оснащения библиотек. В научном архиве Дома-музея Марины Цветаевой (г. Москва) сохранилась переписка известного этнографа и молодого студента, где они с пылом обсуждают немецкие и французские библиотеки и издания, обследованные Бернштейном в ходе университетской командировки 1911 г. Летом 1912 г. Э. А. Вольтер поручает Бернштейну сбор этнографических предметов и музыкальных инструментов в округе Лоздзеи Сувалкской губ.²¹ По всей видимости, молодой коллега справился с поставленной задачей хорошо – в том же году в коллекцию предметов Русского музея (ныне – Российского этнографического музея) поступил женский пояс, полученный в 1912 г. в Сувалкской губ.²²

По окончании университета Бернштейн остался здесь для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка. В 1919 г. он получил должность ассистента кафедры общего языкознания и стал хранителем кабинета экспериментальной фонетики, где вел практические занятия и собирал материал для изучения фразовой интонации, применяя экспериментально-графический метод и фонографическую запись. В поденные записи этих лет С. И. Бернштейн почти ежедневно вносил пометки об использовании фонографа.

Параллельно Сергей Игнатьевич включился в работу Института живого слова (далее ИЖС)²³, где в феврале 1920 г. приступил к «эмпирическому изучению звучащего стиха» на основе записи авторского чтения стихов поэтами (первым опытом была запись голоса Александра Блока, затем – Николая

²⁰ ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 23, л. 2–3. Отчет о деятельности Фонограммархива за 1927/28 гг. (для Главнауки). Далее С. И. Бернштейн перечислил фонографические собрания, вошедшие в коллекцию Фонограммархива при его организации: 410 фоноваликов было передано КИХРом и 260 валиков было передано Песенной комиссией МУЗО (всего 670 звуковых носителей) (Там же, л. 16–17).

²¹ См.: Архив Дома-музея Марины Цветаевой, КП-4970/115. Письмо Э. А. Вольтера С. И. Бернштейну. г. Санкт-Петербург. 17 июля 1912 г.; Архив Дома-музея Марины Цветаевой, КП-4970/115. Письмо Э. А. Вольтера С. И. Бернштейну. Россия. 28 июля 1912 г.

²² РЭМ, к. 3010, № 2/1. 1912 г. Владиславовский у., д.д. Пельвишки, Лукше. Экспедиционный сбор по поручению Этнографического отдела.

²³ Пищальникова В. А. Сергей Игнатьевич Бернштейн – человек и ученый (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 81–85.

Гумилева, Анны Ахматовой, Сергея Есенина, Владимира Маяковского и других). В июле 1920 г. Географический институт командировал Бернштейна в Гдовский уезд Петроградской губернии (ныне – Псковской области) для диалектологических разысканий. В этой поездке Бернштейн также использовал фонограф, сделал несколько записей сказок²⁴. Весной 1920 г. ученый активно изучает былины и литературу о них (сведения об этом находим в поденных записях ученого), в том числе в содружестве с Вс. Н. Всеволодским-Гернгроссом, вынашивающим идею записать былинных сказителей. 7 сентября 1920 г. Всеволодский пишет Бернштейну о своем желании «организовать в сентябре же поездку в Олонецкий край для записи былинных напевов и привоза сюда сказителя»²⁵. Как известно, Всеволодскому-Гернгроссу удалось осуществить свою идею: 23 февраля и 5 марта 1921 г. Бернштейн сделал фонографические записи былин от обонежского сказителя Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева²⁶.

Образцы авторского чтения, а также фольклорные записи стали основой фонографической лаборатории С. И. Бернштейна, впоследствии (в 1923 г.) переместившейся в ГИИИ. Здесь с осени 1925 г. Лаборатория стала важной частью Комиссии / Кабинета по изучению звучащей художественной речи (далее КИХР), а собранная им коллекция звукозаписей²⁷ – базой для экспериментального изучения звучащего стиха. Основанный С. И. Бернштейном КИХР, в который входили представители Словесного и Музыкального отделов ГИИИ, литераторы и декламаторы, разрабатывал вопросы звучащей художественной речи во множестве ее проявлений²⁸, в том числе – в фольклорных формах и народных говорах. Основную цель работы Кабинета (фонетической лаборатории) и состоящей при ней Комиссии С. И. Бернштейн видел в собирании и научном описании материала и разработке теории декламации и ораторской речи, которая, по его мнению, возможна лишь при условии изучения речевого звучания

²⁴ См.: ФА ИРЛИ, к. 13, ФВ 774–776.

²⁵ Архив Дома-музея Марины Цветаевой, КП 4969/143.

²⁶ Как удалось установить, Вс. Н. Всеволодский-Гернгросс вел рукописные записи с 3 по 7 марта автономно от Бернштейна. Позже Всеволодский опубликовал воспоминания о работе со сказителем в издании, посвященном его былинному репертуару: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Записи былин от И. Г. Рябинина в 1921 г. // *Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева* / Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова; подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948. С. 36–39. Опись звуковой коллекции былин, записанных С. И. Бернштейном от И. Г. Рябинина, и историю ее появления, в том числе в сопоставлении с рукописными записями Всеволодского-Гернгросса, см.: *Подрезова С. В.* Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна... С. 447.

²⁷ См. вкладыши к фоноваликам, опубликованные в Госкаталоге: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%88%D1%82%D0%B5%D0%B9%D0%BD%20%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9&imageExists=null&typologId=15>. (дата обращения 13.11.2022).

²⁸ *Бернштейн С. И.* Звучащая художественная речь и ее изучение // *Поэтика*. Л., 1926. Т. 1. С. 47–49. Подробнее о деятельности КИХРа см. в работе: *Золотухин В., Шмидт В.* «Хрипели в КИХРе голоса...»: Опыт реконструкции исследований звучащей художественной речи в Государственном институте истории искусств (1920–1930) // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 5 (19). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/129/16z.html> (дата обращения 13.11.2022).

«в тесной связи с другими элементами выразительной системы, которой пользуется человек для объективирования содержаний сознания»²⁹. Особое место отводилось практической работе, поэтому, помимо научных докладов, КИХР организовывал декламационные выступления сотрудников и приглашенных чтецов. Например, 7 марта 1926 г. здесь состоялась «демонстрация приемов народного сказывания в исполнении А. Е. Кудряшевой и М. М. Серовой»³⁰.

Таким образом, к началу Заонежской экспедиции С. И. Бернштейн не только имел глубокий интерес в области изучения диалектологии и народного стиха, а также огромный опыт полевой и экспериментальной звукозаписи, но и занимал довольно сильную позицию в Институте как ученый, как администратор и как организатор науки.

Работа С. И. Бернштейна в Заонежской экспедиции была нацелена на запись эпических форм, которые, по его наблюдению, продолжали служить «неиссякаемым источником и художественных эмоций, и внеэстетических переживаний»³¹, и на изучение местного диалекта, а работа Т. В. Поповой предполагала запись сказок и речевых жанров. В отчете об экспедиции Бернштейн напишет: «Намечая план своей работы в экспедиции, я ставил себе и своей сотруднице две задачи: основную – собирание материалов для характеристики стилей народного сказывания – и побочную – собирание материалов по Онежским говорам.

В качестве способа фиксирования материала была намечена фонографная запись, а для диалектологических наблюдений – также и запись на слух при помощи фонетической транскрипции. Эти задания нам удалось выполнить лишь в очень ограниченной степени, а частично на их место стали другие»³².

Таким образом, Бернштейн имел свои задачи, уже сложившиеся представления о полевой работе. Именно поэтому его серьезно задевало отсутствие слаженности в работе экспедиции, отсутствие четких общих планов, наконец, заносчивость молодых коллег, недавних учеников Бернштейна по ЛИТО. Столкнувшись с явными недоработками в организации и разночтениями в методах, особенно остро обозначившимися на общем заседании участников экспедиции 14 июня в Великой губе, предпочел работать самостоятельно. Об истинной причине своего отделения от основного состава он напишет матери (см. два письма из экспедиции, опубликованные ниже) и более сглаженно – в экспедиционном отчете: «Едва мы приехали, начало все отчетливее обнаруживаться, что дело не слажено, что о плане работы не столковались, что трудно осуществимо сочетание в одной экспедиции 1) семнадцати человек и 2) зрелых работников с зеленой молодежью на равных правах. Обнаружились

²⁹ *Бернштейн С. И.* Звучащая художественная речь... С. 53.

³⁰ Отчет о научной деятельности... С. 152.

³¹ См.: ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 1, л. 25. Отчет о работе в Прионежской экспедиции. Полный текст отчета публикуется ниже.

³² Там же. Л. 1–2.

и другие неприятные вещи – напр<имер>, что я оказался в несколько нелепом положении: я должен или считать себя участником словесной группы, к<о-то>рой руководит моя бывшая слуш<ательни>ца А.М. Астахова, или обречь себя на пользование одним только случайным материалом. Я избрал последнее³³. В другом месте он делает уточнение: «Первые же дни работы показали, что одновременное собирание сказочного материала в одном и том же районе двумя группами работников, преследующими различные цели, является делом почти неосуществимым. Поэтому я счел полезным отделиться от прочих участников экспедиции и, оставив их в Великой Губе, передвинуться несколько южнее – в Кижскую волость, избрав базой Сённую Губу. Здесь, в течение двух недель, работая сперва один, а затем в сотрудничестве с Т. В. Поповой, я сделал ряд записей»³⁴.

Коллеги (особенно по Словесному отделу) этот поступок оценили довольно болезненно – как акт индивидуализма, нарушающий общую идею экспедиции. Свое осуждение они не преминули выразить в завершающем абзаце предисловия к сборнику «Искусство Севера»: «Кроме того, в самом почти начале экспедиции отколовшаяся от нее небольшая группа ЛИТО³⁵ произвела обследование в Сенногубском районе, не входившем в основную территорию работ экспедиции»³⁶.

Н. П. Колпакова, член того же отдела и подопечная Бернштейна, в знаменитом художественном дневнике «У золотых родников» вовсе не упоминает ни имя Т. В. Поповой, ни имя С. И. Бернштейна, посвятив безымянным коллегам лишь два небольших эпизода. Первый относится к 14 июля 1926 г.: «Рассказам не было конца: в Типеницах изучали шатровую церковь; нашли новые узоры вышивок, старинные постройки; в Сенной Губе и в Кижях собрали новые былины и сказки, слушали потомков знаменитого Рябинина»³⁷. И далее, уже на пароходе, следующем в Ленинград, собирательница записала: «Дополнительно отдельные члены экспедиции в связи со своими индивидуальными научными интересами побывали в Сенной Губе»³⁸.

Лишь фрагментарно маршрут и записи С. И. Бернштейна упоминаются в официальном «Дневнике Заонежской экспедиции». Наконец, материалы «отколовшихся» участников не учитывались в работах, написанных по ее следам и вошедших в сборник статей «Искусство Севера»³⁹. В предисловии к изданию

³³ ОР РГБ, ф. 948, картон 76, д. 17, л. 29 об. Из письма к П. С. Бернштейн.

³⁴ ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 1, л. 2.

³⁵ В составе С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой. – *Примеч. авторов предисловия.*

³⁶ Предисловие // Крестьянское искусство СССР... С. 8.

³⁷ *Колпакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста) с рисунками автора / Подгот. текстов: А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский; библиогр. А. Ф. Некрыловой, вступит. статья В. Е. Гусева. СПб., 2002. С. 46.*

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ См. статьи: *Астахова А. М. Былины в Заонежье // Крестьянское искусство СССР... С. 77–103; Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство СССР... С. 104–120; Колпакова Н. П. Песня на Шуньгском полуострове (Литературная эволюция) // Крестьянское*

составители с гордостью сообщали о солидном количестве собранного ими разнообразного материала – обмеров, рисунков строений и архитектурных деталей, костюмов, вышивки и т. п., рукописных записей фольклорных жанров и народных игр, слуховых нотаций, фотоснимков и фонозаписей. Называлось и точное количество заполненных фоноваликов – 99. Однако эта цифра не отражает реальной картины. Остается неясным, учитывались ли при подсчете материалы С. И. Бернштейна, поскольку, согласно описям коллекций, сохранившихся в Фонограммархиве Пушкинского Дома, 50⁴⁰ восковых цилиндров было записано Е. В. Гиппиусом⁴¹, А. В. Финагиным⁴² и З. В. Эвальд и 60 – С. И. Бернштейном и Т. В. Поповой⁴³.

Мне удалось восстановить весь маршрут и ход работы С. И. Бернштейна, а затем и присоединившейся к нему молодой сотрудницы КИХРа Татьяны Владимировны Поповой на основе нескольких источников, отложившихся в разных архивах Москвы и Санкт-Петербурга: поденных записей самого исследователя, «Отчета о Прионежской экспедиции» (группа Бернштейн – Попова), полевого дневника Бернштейна и тетрадей Поповой (вероятно, беловых записей, систематизированных и переписанных по возвращению в Ленинград), писем Бернштейна матери и общего «Дневника Заонежской экспедиции».

Итак, Бернштейн прибыл в Сенную Губу один и с 15 по 20 июня вел здесь рукописные и фонографические записи. С 21 по 24 июня он продолжил полевую работу совместно с Т. В. Поповой. 24 июня, ненадолго заехав в Сенную Губу, Бернштейн выехал в Петрозаводск, а оттуда 25 июня вернулся в Ленинград. Попова несколько дней вела фонографические записи одна, пока 27 июня, наконец, не присоединилась к общему составу экспедиции. Ниже представлен маршрут Бернштейна и Поповой в сопоставлении с общим маршрутом экспедиции⁴⁴, который опирался на обследование деревень в радиальном направлении от «базы». Траекторию расположения «базы» удалось восстановить по «Дневнику Заонежской экспедиции»⁴⁵:

искусство СССР... С. 121–146, а также работы музыковедов: *Гиппиус Е. В.* Крестьянская музыка Заонежья // Крестьянское искусство СССР... С. 147–164; *Эвальд З. В.* Протяжные песни Заонежья // Крестьянское искусство СССР... С. 165–175.

⁴⁰ В отчете о работе Фонограммархива С. И. Бернштейн упоминает 58 валиков: ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 23, л. 16.

⁴¹ Е. В. Гиппиус называл другую цифру – 60, и иное общее число носителей – 112, что ближе к реальности, см.: *Гиппиус Е. В.* Крестьянская музыка Заонежья... С. 151.

⁴² На участие А. В. Финагина в фонозаписях совместно с Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд указал А. Ю. Кастров см.: Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926–1934 годов. Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб., 1998. С. 404.

⁴³ Та же цифра приводится в отчете Института: Поэтика... С. 150, в Отчете о работе Фонограммархива Бернштейн называет цифру 61: ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 23, л. 15.

⁴⁴ На основе вновь открывшихся документов удалось скорректировать маршрут собирателей, представленный мной в публикации: *Подрезова С. В.* Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна... С. 448.

⁴⁵ Ср. с несколько отличным маршрутом, приведенным в издании: *Иванова Т. Г.* Ирина Валериановна Карнаухова... С. 16.

Маршрут С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой в сопоставлении с общим маршрутом Заонежской экспедиции

11 июня – отъезд экспедиции из Ленинграда на пароходе «Урицкий»				
12 июня – остановка в с. Вознесение				
13 июня – прибытие в Петрозаводск. Отъезд в Великую Губу				
14 июня – Верховье, заседание участников экспедиции				
<i>Маршрут С. И. Бернштейна</i>			<i>Маршрут экспедиции ГИИИ</i>	
<i>Сенногубская вол.</i>				
15 июня	Переезд С. И. Бернштейна в Сённую Губу		15–19 июня	Великая Губа
16 июня	Вертилово	С. И. Бернштейн		
	Обельщина			
17 июня	Галиково			
	Гáрницы			
	Сённая Губа			
18 июня	Сённая Губа			
19 июня	Гáрницы			
20 июня	Гáрницы	19–21 июня	Яндомозеро	
Троица	Сённая Губа			Приезд Т. В. Поповой
21 июня	Сённая Губа	С. И. Бернштейн Т. В. Попова	21–23 июня	Великая Губа
22 июня	Вертилово			
	Кузнецы			
23–24 июня	Конда			
24 июня	отъезд С. И. Бернштейна через Сённую Губу в Петрозаводск		24 июня – 1 июля	Космозеро
25 июня	отъезд С. И. Бернштейна в Ленинград			
25–26 июня	Конда	Т. В. Попова		
26 июня	Мигуры			
27 июня	Сённая Губа			
27 июня	Переезд Т. В. Поповой в Космозеро			
<i>Космозерская вол.</i>				
30 июня	Космозеро	Т. В. Попова		
<i>Шуньгская вол.</i>				
4 июля	Шуньгский погост	Т. В. Попова	1–2 июля	Великая Нива
6, 8 июля	Кулгосово		3–8 (10) июля	Шуньга
9 июля	Петрозаводск	Т. В. Попова, затем – отъезд в Ленинград	9–13 июля	Великая Губа, Типиницы

В экспедиции С. И. Бернштейн вел полевой дневник, в который, помимо текстов былин, песен и других жанров фольклора, записывал фонетические наблюдения, а попутно вносил фрагменты речи заонежан, указания на места бытования русского и карельского языков, данные о фонозаписях и др., а также заносил сведения о своих расходах, в частности о плате за исполнение:

24 VII 26	подал К. К. Романову служебные записки:	
16 VI 26	Папиной (Обельщина)	1 р.
18 VI 26	Потаповой (Сенная Губа)	1 р. 50 к.
19 VI 26	Рябинину-Андрееву (Гарницы)	2 р.
20 VI 26	“ – “	1 р. 50 к.
23 VI 26	Сурикову (Конда)	1 р.50 к.
24 VI 26	“ – “	2 р.....

9 р. 50 к.⁴⁶

Запись былин он сопровождает сведениями о процессе их усвоения, например, о П. И. Рябинине он замечает: «П<етр> И<ванович> запоминал былины в возрасте 3½ лет. Для того, чтобы запомнить былинку, ему было достаточно прослушать ее раза 3. NB былина́»⁴⁷.

Здесь же мы узнаем подробности о смерти И. Г. Рябинина: «Ив<ан> Гер<асимович> умер от воспаления легких, поболел 2 недели, 14 <нрзб.> на Масляной неделе в ночь с четв<ерга> на пятн<ицу> ок<оло> 27 февр<а>л<я> нов<ого> ст<иля>»⁴⁸.

Дневник, безусловно, представляет особую ценность и требует скорейшего введения в научный оборот.

По возвращении из экспедиции Бернштейн подготовил рукописный отчет, в котором обобщил результаты совместной работы с Т. В. Поповой. В этом документе ученый изложил методы полевой работы, оставил ценные наблюдения над творческой манерой сказителей, поделился размышлениями о роли былинного эпоса в Заонежской традиции и его дальнейшей судьбе.

Бернштейн довольно подробно описывает свои методы поиска собеседников и сказителей. Как следует из документа, его выбор не был спонтанным, полевая работа опиралась на поддержку в лице местного священника Василия Стефановича Ржановского и его семьи, особенно его дочери, Елизаветы Васильевны:

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 948, картон 29, ед. хр. 1, л. 149 об. По-видимому, размер оплаты исполнителям имел большое значение как для самих заонежан, так и для собирателей. Ю. М. Соколов писал из экспедиции: «Напугал о. Василий, со слов Бернштейна, что сказители дорого берут за старины. Оказалось – сносно. Видимо, Бернштейн скуп, а м<ожет> б<ыть>, совсем мало денег дали ему» (Письмо Ю. М. Соколова к Б. М. Соколову от 5 июля 1926 г. // Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / [Отв. ред. В. М. Гацак]. М., 2007. Т. 1. С. 556).

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 948, картон 29, ед. хр. 1, л. 47 об.

⁴⁸ Там же, л. 47 об.

«...хорошо зная местную старину, он (Ржановский. – С. П.) указал нам ряд лиц, у которых мы могли получить интересующий нас материал, и, пользуясь его именем, мы неизменно встречали у крестьян самый радушный прием и полное доверие»⁴⁹. Тот же метод прослеживается и в полевом дневнике Бернштейна. Так, еще по пути следования в экспедицию, на пароходе «Урицкий», от попутчиков он узнает имена известных в Заонежье сказителей, знахарей, плакальщиц и других знатоков фольклора: «На пароходе (6 часов езды) от пассажиров III класса получил ряд указаний на сказителя и колдуна Мих<аила> Кир<икovichа> Рябинина (Потановщина или Середка), колдуна Першина (там же), знахарок Нефедьевну (Бўторину) (Обельщина) и Марфу Обрядину (Голиково), вопленицу Мавру Петр<овну> Папину (Обельщина). Узнал о том, что минувшей зимой умер Ив<ан> Герас<имович> Рябинин, к<ото>рого я записывал в фонограф в П<етер>б<урге> 5 лет т<ому> н<азад>»⁵⁰.

Центральное место в отчете отведено творческим портретам двух представителей сказительских династий – П. И. Рябинина-Андреева и А. Б. Сурикова, открыть которых посчастливилось Бернштейну именно в этой поездке⁵¹. Ученый оставил ценные наблюдения над сказительскими манерами Рябинина и Сурикова, в лице которых он видел представителей «прочной былинной традиции». Характеризуя каждого из сказителей, он приводит его биографию, анализирует его репертуар в отношении к репертуару родственников и других былинщиков, высказывает наблюдения над разночтениями, возникающими у каждого исполнителя при мелодекламации и пересказе былин (у обоих сказителей), при произнесении и самозаписи (у Рябинина), отмечает «охранительную роль напева в былине». Из документа мы узнаем, что при общении с двумя контрастными по типу былинщиками ему пришлось использовать различные способы собирательской работы и методы звукозаписи. Принципиальным моментом стало отношение сказителя с текстом былины – то, насколько плотно в его сознании оказываются спаяны эпический текст и напев.

Например, о взаимосвязи текста и напева в творческой манере Петра Ивановича Рябинина-Андреева (1905–1953) он пишет: «...текст живет в его сознании и вне напева. Это чрезвычайно облегчило запись: мне удалось каждую былинку сперва записать под его медленную диктовку (к которой способны далеко не все сказители), затем выправить текст под связанное и не прерываемое пение и, наконец, записать образцы в фонограф <...> Что же касается Петра Ивановича Рябинина, то, умея выделить былинный текст, он в то же время прочно хранит

⁴⁹ Отчет о работе в Прионежской экспедиции... Л. 34. Василий Ржановский и его дочь Елизавета стали проводниками и для экспедиции Ю. М. Соколова «По следам Рыбникова и Гильфердинга», проходившей в июле 1926 г. (см. письма из экспедиции: Незданные материалы... С. 553–596). Подробнее о проводниках Бернштейна см. в примечании ниже.

⁵⁰ ОР РГБ, ф. 948, картон 29, ед. хр. 1, л. 3 об. *Бернштейн С. И.* Дневник фонетических наблюдений, сделанных во время Прионежской экспедиции Института истории искусств 1926.

⁵¹ Как известно, спустя две недели с обоими мастерами работала группа московских фольклористов под руководством Ю. М. Соколова.

в памяти напев, и в своем исполнении сочетает оба фактора в художественное единство, нерушимо сохраняя своеобразие и чистоту жанра. <...> Тексты его былин отличаются значительной полнотой. Достаточно указать, что былина “Добрыня Никитич в отъезде” в его рецитации содержит свыше 1000 стихов и исполнение ее продолжается 3 часа 45 минут»⁵².

Творческую манеру Антона Борисовича Сурикова (ок. 1858–после 1932) – представителя другой сказительской династии, Бернштейн характеризует иначе: «Текст былины он с трудом отделяет от напева, и диктовка представляет для него непосильную задачу: диктуя, он скоро сбивается на пересказ и заканчивает откровенным предложением: “Лучше я тебе предмет расскажу” (т. е. изложу содержание). <...> Указанные особенности сказителя обусловили способ записи: целый ряд былин в его рецитации мы записали целиком в фонограф, не полагаясь на запись под диктовку, – тем более, что резкое расхождение между продиктованным и пропетым текстом, с одной стороны, и относительно быстрый темп исполнения, с другой, делали правку текста невозможной. В результате такого способа записи, в связи с обширностью репертуара, Суриков представлен в нашем фонографическом собрании 23 валиками, тогда как для Рябинина оказалось достаточно семи»⁵³.

В своей полевой работе Бернштейн старается зафиксировать широкий контекст бытования былин и все нюансы их восприятия. Тщательный текстологический анализ он сопровождает подробным описанием процесса записи былин, отмечая огромный интерес к нему со стороны крестьян, фиксирует реакцию слушателей на исполнение и фонозапись: «Во время наших записей слушателей всегда бывало много – человек до 40–50; случалось, что за день посещали наши сеансы до 100 человек; приходили не только из Гарниц и Конды – собирались из окрестных деревень». Здесь же приводятся диалоги слушателей былин, их реакция на исполнение (мужчины часто «делили внимание между сказителем и фонографом»).

В фокус его научного поиска попадает современное состояние былинной традиции. Констатируя уменьшение интереса к героическому эпосу в Заонежье, он описывает интересные случаи переосмысления функции былин (он называет это «оживлением») и использования былин как коммеморативного средства. Бернштейн приводит три примера исполнения былин как практики памяти – на школьном вечере («такие выступления возбуждают в слушателях – преимущественно молодежи – скорее историко-этнографический <интерес>»⁵⁴), сказывание былины во время Гражданской войны, «когда мужики были на фронте»⁵⁵, наконец, его замечание о том, что «... “былины” пользуются большим уважением – это семейная традиция, связанная с памятью о трех ушедших поколениях»⁵⁶.

⁵² ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 1, л. 6, 10, 11.

⁵³ Там же, л. 14, 19.

⁵⁴ Там же, л. 21–22.

⁵⁵ Там же, л. 24.

⁵⁶ Там же, л. 23–24.

Как было сказано выше, изучение и фонозапись сказок выпали на долю Т. В. Поповой, после отъезда Бернштейна в Ленинград продолжавшей работу в экспедиции совместно с ЛИТО. Помимо стихотворного и прозаического эпоса и словесных жанров фольклора (заговор, пословицы и присказки), учеными был собран представительный диалектологический материал (свыше 2 тыс. примеров): фонетическая сторона говоров, акцентология и др. аспекты народной речи. С этой целью Попова записала на фонограф целый ряд фрагментов бытовой речи заонежан. В коллекцию Бернштейна и Поповой вошли также записи лирических и свадебных песен, романсов, плясовых и плачей⁵⁷.

Из ценных наблюдений Бернштейна стоит выделить замечания по антропологии звукозаписи. Он фиксирует изменение отношения крестьян к записанному голосу и фонографу, произошедшее со времени появления полевой звукозаписи (Бернштейн сравнивает свой опыт с опытом Е. Э. Линевой). Как следует из рассказа ученого, заонежане охотно участвовали в звукозаписи, а некоторые даже стремились запечатлеть свое умение на фонограф с мыслью о предстоящей известности и успехе: «Не раз меня спрашивали, переведу ли я свои записи на граммофон. Сказители, сказочники и певцы, по-видимому, испытывали удовольствие при мысли, что их голоса будут отвезены в Ленинград, и там их будут слушать. Популярная в Кижской волости “вопленница” Мавра Петровна Папина, певшая в фонограф свадебные причитания, несколько раз переспросила меня, записал ли я имя»⁵⁸. Из всех собеседников Т. В. Поповой только одна старая женщина отказалась петь в фонограф: «...она заявила, что ей умирать пора, и отсюда умозаключила, что ей петь в машину грех»⁵⁹. Молодежь, напротив, проявляла научный интерес к механизму воспроизведения звука, что заставило Бернштейна прочитать в Гарницах популярную лекцию по акустике «для того, чтобы удовлетворить любознательность слушателей»⁶⁰.

Говорит он и о недостатках своей работы, причины которых видит «в стечении неблагоприятных обстоятельств»: несовместимости своей работы с работой Словесной секции, в своем «непредвиденном и внепрограммном увлечении былинами и в недостаточном количестве валиков»⁶¹. Последний пункт лег в основу рассуждений Бернштейна о методах полевой работы. Неотъемлемой частью экспедиции в будущем, по его убеждению, должна стать звукозапись, обязательным предметом оснащения каждой экспедиционной группы должен быть фонограф. Говоря о неизбежном несовершенстве записи сказок в полевых условиях, он предлагает обязательно вести «двойную запись» – запись на фонограф и запись графическую, в тетрадь.

⁵⁷ Материалы, собранные Бернштейном и Поповой, были подробно представлены в статье: Подрезова С. В. Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна... С. 448–449.

⁵⁸ Отчет о работе в Прионежской экспедиции... Л. 33.

⁵⁹ Там же. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Л. 33.

⁶¹ Там же. Л. 26.

Обнаруженный мной документ является важным источником знаний не только о методах работы известного фонолога и незаслуженно забытого фольклориста, но и ценными материалами по истории одной из самых известных фольклорных экспедиций, и в целом – по истории фольклористики 1920-х гг., которую еще только предстоит написать.

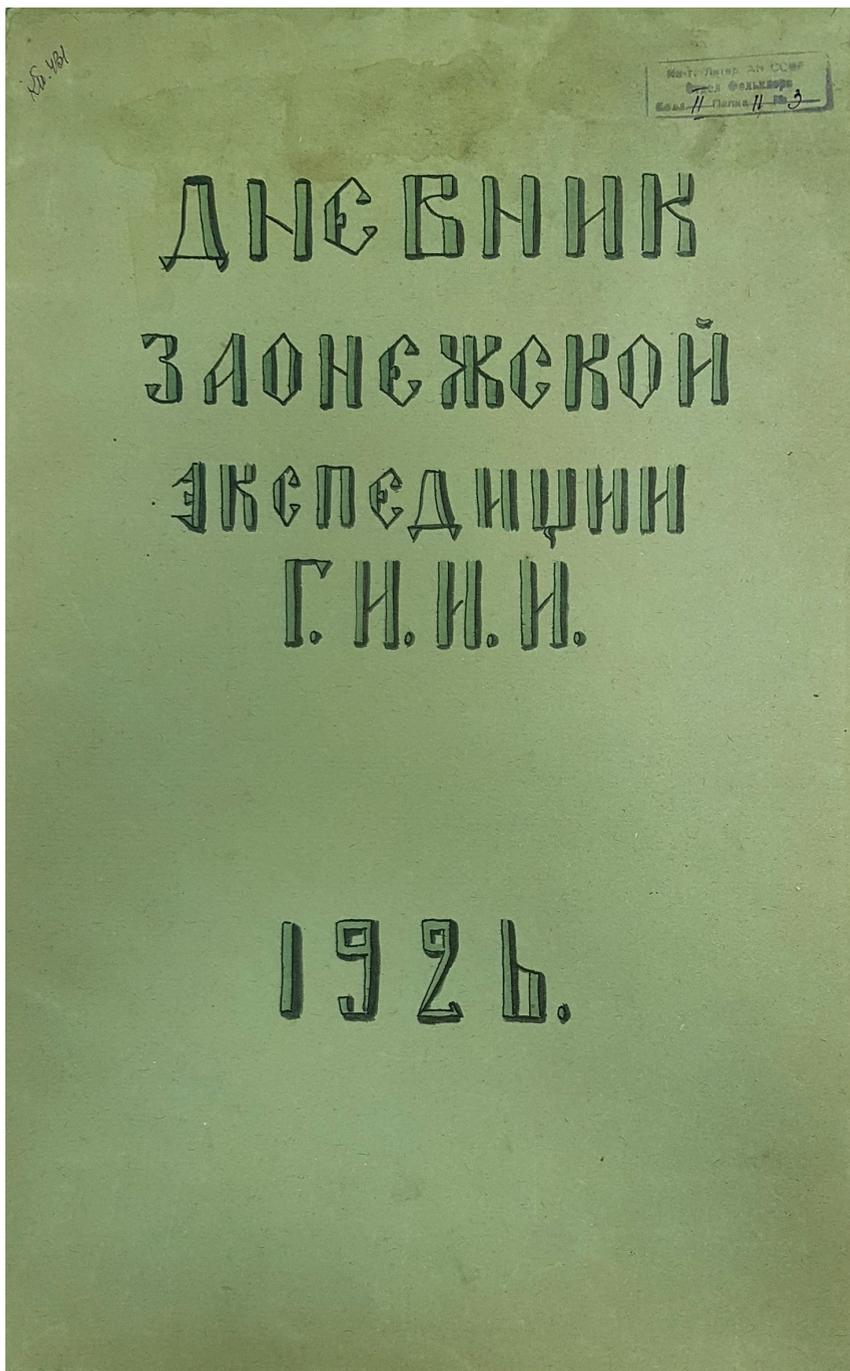
Ниже впервые публикуются несколько документов: дневник Заонежской экспедиции (составлен К. К. Романовым и Н. П. Колпаковой), два письма Бернштейна к матери, П. С. Бернштейн, отчет о работе группы С. И. Бернштейна и Т. В. Поповой (составлен С. И. Бернштейном), список записей по районам и описание фонетических особенностей речи заонежан (составлены Т. В. Поповой).

Дневник заонежской экспедиции публикуется полностью. В комментариях к нему по возможности даются ссылки на фонозаписи, хранящиеся в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Стоит заметить, что в текст дневника вносились только самые общие сведения о работе отделов и лишь в некоторых случаях – наиболее важные подробности.

Отдельно нужно сказать о неатрибутированном документе, обнаруженном в фонде Е. В. Гиппиуса Российского национального музея музыки в Москве. Этому обширному фонду (ф. 450, описанная часть – примерно 2/3 от общей коллекции – превышает 5000 ед. хр.) не очень повезло, многие описания единиц хранения составлены либо на основе отрывочных сведений, либо с серьезными ошибками в атрибуции. Обнаруженный мной текст атрибутирован Гиппиусу и имеет условное название «Эссе к 100-летию изучения культуры Заонежья». В нем действительно подробно освещается история изучения заонежской фольклорной традиции. Однако по стилю изложения он скорее напоминает либо отзыв (рецензию), либо введение к сборнику, либо часть научной работы и не может принадлежать Гиппиусу, поскольку сам ученый упоминается в нем в третьем лице (проф. Гиппиус). Между тем редкие сведения – например, о предыстории экспедиции, методологии собирательской работы и принципах слуховой нотации, использованных Эвальд и Гиппиусом, а также тон документа не позволили обойти его стороной. Этот текст целиком публикуется в настоящей работе после документов, связанных с работой экспедиции 1926 г. Последним номером размещено письмо дирекции ГИИИ С. И. Бернштейну с предложением принять руководство Фонограммархивом и составить проект его Положения.

Все документы публикуются согласно общепринятым принципам. Исправления орфографических ошибок и расстановка знаков препинания специально не оговариваются. После публикации каждого документа указан его архивный источник.

Пользуясь случаем, хочу выразить сердечную благодарность Валерию Владимировичу Золотухину за консультации и большую помощь в работе с архивами С. И. Бернштейна в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и Научном архиве Дома-музея Марины Цветаевой, моей дочери Анне Шуть за помощь в компьютерном наборе документов и всем сотрудникам архивов.

Илл. 4. Обложка Дневника Заонежской экспедиции. РО ИРЛИ, р. V, к. 2, п. 11, ед. хр. 3.

1. Дневник Заонежской экспедиции

11 июня 1926 г <ода>, пятница
Река Свирь

Сегодня в 9 ч <асов> 15 м <инут> утра экспедиция в составе: К. К. Романова⁶², А. В. Финагина⁶³, С. И. Бернштейна, К. А. Большевой⁶⁴, А. М. Астаховой, З. В. Эвальд, Н. П. Колпаковой, Е. В. Гиппиуса, С. С. Писарева⁶⁵, Р. Р. Сусловича⁶⁶, К. А. Сытовой⁶⁷ и А. И. Никифорова⁶⁸ выехала на пароходе «Урицкий» из Ленинграда в Петрозаводск.

В два часа дня пароход прибыл в Шлиссельбург. В девять часов вечера – в Свирицу. В 11 ч <асов> вечера в общей каюте 1 кл <асса> было общее собеседование о различных деталях работы экспедиции.

12 июня,
Свирь, Вознесенье

Прошли всю реку Свирь. В селе Пидьме была снята А. В. Финагиным шатровая церковь.

По прибытии в Вознесенье был произведен осмотр села по обоим берегам реки, внешний и внутренний осмотр церкви (бывш <его> Монастыря). Было сделано несколько зарисовок крестов на кладбище (XVIII в <ека>) и некоторых старинных предметов церковной утвари.

⁶² Константин Константинович Романов (1882–1942) – руководитель экспедиции в Заонежье. Архитектор, реставратор, исследователь древнерусского зодчества и архитектуры, археолог, этнограф, преподаватель. В 1911 г. был причислен к Этнографическому отделу Русского музея (ЭО), в 1912 г. стал штатным хранителем «по отделению великороссов и финских племен», участвовал в этнографических экспедициях на Русский Север, в том числе в тех же местах, хорошо знал их историю. В 1925–1929 гг. был председателем Секции изучения крестьянского искусства Социологического комитета ГИИИ.

⁶³ Алексей Васильевич Финагин (1890–1942) – музыковед, специалист в области древнерусского певческого искусства, фольклористики, истории русского театра и оперы. В 1922 г. окончил факультет истории музыки ГИИИ, с 1925 г. – действительный член, в 1922–1929 – ученый секретарь ГИИИ. Принимал участие в экспедиции как сотрудник МУЗО.

⁶⁴ Кира Александровна Большева (1893–1944) – художник-искусствовед. В 1918 г. окончила Высшее училище технического рисования барона Штиглица, в 1923 – Институт истории искусств. До 1927 г. преподавала рисование в школах Ленинграда, изучала народное искусство – копировала фрески в Новгородской губ. и Заонежье. Принимала участие в экспедиции в составе секции изобразительных искусств. Секретарь Секции изучения крестьянского искусства Социологического комитета ГИИИ.

⁶⁵ Сергей Сергеевич Писарев (1902–1969) – этнограф, писатель – автор повестей и рассказов, актер. Позже (в 1930) окончил Высшие курсы искусствоведения ГИИИ. Принимал участие в экспедиции от Театральной секции.

⁶⁶ Рафаил Рафаилович Суслович (1907–1975) – театральным педагог, режиссер театра и кино. В 1926 г. – студент Института сценических искусств (ученик В. Н. Соловьева), участник Театральной секции ГИИИ.

⁶⁷ К. А. Сытова – сотрудница Д. К. Зеленина, в экспедиции занималась этнографическими исследованиями.

⁶⁸ Александр Исаакович Никифоров (1893–1942) – филолог, этнограф и фольклорист, в 1926 г. – сотрудник Толстовского музея АН СССР.

Отделом Музо в архиве монастыря были обнаружены две нотные книги (Обиход 1772 г<ода>⁶⁹ и Праздники 1757 г<ода>) и получены ценные указания относительно рукописей, находящихся в Петрозаводской библиотеке. Кроме того, Отделами Музо и Тео был записан колокольный звон данной церкви⁷⁰.

Для Отдела Лито в архиве монастыря материала не оказалось, т<ак> к<ак> последние ценные рукописи были вывезены из церкви в апреле 1926 г<ода> тов<арищем> Морозовым⁷¹ по распоряжению Главнауки.

С. И. Бернштейном производились наблюдения над местным говором и было записано до 50 примеров⁷². Им же было проведено занятие с сотрудниками Музо по практике и технике фонографических записей⁷³.

На обратном пути был зарисован в селе памятник Ленину своеобразной композиции.

13 июня, воскресенье

Село Великая Губа. Дер<евня> Тарасы

В ночь на сегодня была пройдена дорога по Онежскому озеру до Петрозаводска, в который прибыли в 9 ч<асов> утра. На пристани экспедиция была

⁶⁹ Обиход церковного пения. М.: Московская Синодальная типография, 1772.

⁷⁰ Вероятно, велась только слуховая запись, фонографическая запись колокольного звона отсутствует.

⁷¹ Имеется в виду участник экспедиции, присоединившийся к ней чуть позже: Федор Михайлович Морозов (1883–1962) – архивист, искусствовед, археолог, в 1925–1929 гг. сотрудник Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР.

⁷² Приведем фрагмент записи в полевом дневнике С. И. Бернштейна:

Суббота 12 VI [19]26. Демонстрировал секциям Музо и Тео обращение с фонографом.

Шестичасовая стоянка в поселке Вознесение. Диалектологические наблюдения на берегу – 50 транскрипционных примеров (№№ 1–50), преимущественно над детской речью (№№ 6–32). Результаты:

[1] Оканье: отчетливое [о] (того же качества, что и в литературном произношении) в предударном слоге, спорадически и в других неударенных, сохранение старого [о] в приставке <нрзб.> (№ 25)

[2] Тенденция к динамическому (без темпорального)

<...>

[12] – щ перед согласным → <нрзб.>

[13] щ = <нрзб.> щ (№ 17)

[14] З л. – т (№№ 34, 40, 42, 47, 48)

[15] Отсутствие неорганического смягчения заднеяз<ычных> (№ 41)

[16] Конечная з' - т' → с' (№ 45)

[17] Род. ед. м. и ср. прилаг. -х- [-v-] (№ 4, 32)

[18] Твор. мн. сущ. -х- [-m-] (№ 6)

Разговорные формулы (№ 5)

Лексика (№ 9)

[19] ь перед твердым согласным (№ 18, 24)

Усвоение новых слов (№ 51)

[20] jès't'л (№ 12)

[21] Неударный о → оу у одного из мальчиков (*Бернштейн С. И.* Дневник фонетических наблюдений. ОР РГБ, ф. 948, картон 29, ед. хр. 1, Л. Зоб.–4).

⁷³ См. предыдущее примечание.

встречена сотрудниками Ю. Н. Дмитриевым⁷⁴ и Ф. М. Морозовым⁷⁵, присоединившимся к ней. В Петрозаводске был осмотрен местный музей краеведения, собор и город в общих чертах. В 3 ч<аса> дня, пересев на пароход «Бебель», экспедиция направилась к Великой Губе.

Отделом Лито был записан в Петрозаводске материал от сказительницы, указанной зав<едующим> музеем В. Н. Крыловым⁷⁶. Отделом Изо был произведен ряд фотоснимков и зарисовок по дороге из Петрозаводска в Вел<икую> Губу: в Сенной Губе и в Кижях. На самом пароходе Музо и Лито записали от ехавших крестьян несколько песен и сказок⁷⁷.

Выехав из Кижей в 8 ч<асов> 30 м<инут> вечера, экспедиция в 9 ч<асов> была в Великой Губе, где и остановилась на ночлег частью в здании местной школы, частью в доме крестьянина Ермолина.

14 июня, понедельник

С утра экспедиция, разделившись на несколько отдельных групп, производила обследование села Вел<икая> Губа и регистрацию материала, встречающегося в довольно большом количестве для всех Отделов. В два часа было общее собрание с обсуждением вопроса о том, остановиться ли в Вел<икой> Губе на несколько дней до Троицы и, по возможности, полно обследовать село, или же уже теперь передвигаться дальше. Было решено продолжать обследование Вел<икой> Губы как основного пункта для исчерпывающего обследования до Троицы, и пока не предрешать вопроса о том, куда экспедиция направится после записи Троицы.

После небольшого перерыва, в 3 ½ часа, состоялось заседание всех участников экспедиции, продолжавшееся до 7 ½ часов⁷⁸. Протокол заседания прилагается⁷⁹. Вечером работа по обследованию села продолжалась.

В течение всего дня обследование шло по всем пяти деревням (Верховью, Погосту, Моглецам, Репному Посаду и Тарасам), составляющим вместе село Великую Губу.

Работам экспедиции вполне благоприятствует ясная солнечная погода.

⁷⁴ Юрий Николаевич Дмитриев (1902–1961) – искусствовед, специалист по древнерусскому искусству, реставратор, в 1953–1961 гг. – главный хранитель Государственного Русского музея. Участвовал в экспедиции в составе секции изобразительных искусств.

⁷⁵ Ф. М. Морозов был прикомандирован к экспедиции в качестве фотографа.

⁷⁶ Предположительно, имеется в виду Настасья Степановна Богданова-Зиновьева. С. И. Бернштейн во время разговора с заведующим музея вел диалектологические наблюдения над его речью, см. *Бернштейн С. И. Дневник фонетических наблюдений... Л. 3 об.*

⁷⁷ С. И. Бернштейн в полевом дневнике сделал запись:

От Семена Мих<айловича> Власова (27 л<ет> из Тубозера Пудожского у<езда>, бывалый человек) записал, одновременно с А. И. Никифоровым, 3 сказки – о воре, о том, как солдат попал в рай, и о колдуне – сказки плутовского жанра, а также одно его стихотворение злободневно-политического характера, написанное вскоре Октябрьской революции. Получил от него обещание выслать по почте составленное им собрание сказок и его собственные стихи (*Бернштейн С. И. Дневник фонетических наблюдений... Л. Зоб.–4*).

⁷⁸ См. об этом эпизоде ниже, в письме С. И. Бернштейна матери от 14 июня 1926 г.

⁷⁹ Протокол заседания к дневнику не приложен.

15 июня, вторник

Целый день шли работы отдельных групп в деревнях: Изо – Тарасы, Верховье, Погост. Лито, Музо и Тео – Тарасы, Верховье, Кондобережье⁸⁰, Моглецы. Производились зарисовки, фотосъемки, делались обмеры, записывался музыкальный и словесный материал. В 2 часа в дер<евне> Верховье собрались представители всех групп для фонографических записей хоровых и сольных песен⁸¹ и для работы по Отделу Изо. Одновременно идет все время этнографическая работа А. К. Сытовой.

С дневным пароходом С. И. Бернштейн уехал на работу в Сенную Губу, предполагая заняться исследованием района с Кижей.

Сегодняшний день был первым дождливым днем с момента выезда экспедиции из Ленинграда.

16 июня, среда

С утра шли работы отдельных групп. Лито и Музо начали обследование дер<евни> Кондобережской, закончили работу в дер<евне> Верховье и почти всю вторую половину дня были заняты фонографическими и текстуальными записями сольных и хоровых песен от бабок и девушек, приходивших для этого в здание школы⁸².

Отделом Тео была проведена работа над проверкой и дополнением записанного накануне танца «кандрели». Кроме того, С. С. Писарев записал частично обряды: похоронный, родильный и крестильный.

Отделом Изо был обмерен дом-усадебный Якова Ларионова в Погосте и делались рисунки и обмеры деталей в дер<евнях> Тарасы, Погост, Репный Посад и Верховье. Сделаны фотографии в Тарасах, Погосте и Верховьи. Сняты два досельных костюма и сделаны акварельные наброски с них. Производилась этнографическая работа.

С вечерним пароходом приехали сотрудники экспедиции: В. Н. Всеволодский, Е. Э. Кнатц⁸³, И. В. Карнаухова, Л. М. Шуляк⁸⁴.

Погода весь день была переменная.

⁸⁰ Верное название – Кондобережская.

⁸¹ Записей в д. Верховье, выполненных в этот день, не сохранилось, возможно, они не производились либо не удались. Согласно инвентарным книгам Фонограммархива, в этот день сотрудники МУЗО Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд проводили фонографическую запись в д. Великая Губа, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 001–011, и д. Тарасы (ФВ 012).

⁸² 16 июня в д. Верховье Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд на фонограф был записан хоровод «Вдоль по морю», см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 013.

⁸³ Екатерина Эммануиловна Кнатц (урожд. баронесса Нольде, 1878–1940) – учительница женской гимназии Л. С. Таганцевой и затем 15-й единой трудовой школы. Участвовала в экспедиции в составе секции изобразительных искусств (специалист по тканям и вышивкам).

⁸⁴ Любовь Митрофановна Шуляк (1896–1996) – архитектор-реставратор, поэтесса. В 1920–1931 гг. состояла сотрудником отдела древнерусского зодчества Государственной академии истории материальной культуры под руководством К. К. Романова.

17 июня, четверг

Изо. Сегодня закончен обмер дома Ларионова на Погосте В<еликой> Губы. Начат обмер дома Пахомова там же⁸⁵. Произведен осмотр В<еликой> Губы с распределением работ вновь прибывшими членами экспедиции. В дер<евне> Кондобережской обмерены некоторые детали. Сделаны рисунки деталей на Погосте В<еликой> Губы. Произведены фотографические снимки в Погосте, в Тарасах, в Кондобережье⁸⁶.

Тео. Приехавший накануне В. Н. Всеволодский проверял произведенную без него работу сотрудников С. С. Писарева и Р. Р. Суслович. Вечером Отдел Тео вместе с остальными Отделами присутствовал на сватовстве в дер<евне> Кондобережской, где ими были записаны некоторые обряды и произведены фотоснимки. Кроме того, ими был записан обряд свадебных причитаний, исполнявшийся одной их крестьянок дер<евни> Кондобережской.

Лито и Музо провели весь день в совместной работе по обследованию дер<евень> Сибова и Кондобережской. Были записаны песни (бытовые и обрядовые), частушки, заговоры, причитанья, загадки и пр<очее>. Произведены фотографические записи песен и причитаний⁸⁷.

Погода стоит очень холодная и хмурая.

18 июня, пятница

Изо. Обмерялись и фотографировались снаружи и внутри дома Пахомова⁸⁸ на Погосте и Лопаткина в Тарасах⁸⁹. Сделано несколько фотоснимков, производились зарисовки. Осмотр и зарисовки предметов шитья, одежд и домашнего обихода в районе Вел<икой> Губы⁹⁰.

Лито и Музо – утром записывали тексты и напевы (фонографич<ески>) крестьян, приехавших в школу. После обеда группа Лито и Музо ездила через озеро в дер<евню> Вигово⁹¹, где были произведены записи всех жанров словесного и музыкального творчества, какие оказалось возможным найти в данной деревне.

⁸⁵ Кроме обмеров дома, были сделаны фотографии вида и внутреннего убранства, некоторые из них опубликованы: *Романов К. К.* Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении // Крестьянское искусство СССР... С. 18. Рис. 5, 6. Кроме того, материалы по изучению этого дома были использованы в статье: *Романов К. К.* Жилой дом в Заонежье // Крестьянское искусство СССР... С. 29.

⁸⁶ См. фото «зимней» половины в д. Кондобережская: Там же. С. 46. Рис. 24.

⁸⁷ В этот день фонозапись состоялась только в д. Кондобережская. Было записано 4 фрагмента свадебных причитаний, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 014.

⁸⁸ См. примечание выше.

⁸⁹ Фотографии и обмеры дома были опубликованы К. К. Романовым в статье: *Романов К. К.* Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении... С. 23. Рис. 9, с. 24. Рис. 10, с. 25. Рис. 11 (план дома), с. 26. Рис. 12 (внутреннее убранство).

⁹⁰ Помимо обмеров, в этот же день группой МУЗО – Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, были сделаны фотографические записи двух лирических песен: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ. 016-01, 02.

⁹¹ В дневнике закралась ошибка, верно – д. Сибова. Согласно документам, 18 июня в д. Сибова Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд были записаны на фонограф два свадебных причитания и одна песня, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 015-01-03.

Тео – утром обрабатывали собранный накануне материал, записывали сказки и былины от приходившего в школу кр<естьянина> Кудрова. В дер<евне> Верховье была произведена запись 5 деревенских танцев. Вечером занимались обработкой собранного днем материала.

В дер<евне> Вигове <верно: Сибове. – С. П.> приобретены две книги: 1) «Сборник церковных служб» XVII в<ека> с записью о продаже его 7153 года. 2) Сборник песнопений с крюковыми нотами (конец XVII – начало XVIII в<ека>). Обе книги в кожаных переплетах.

Погода весь день была очень холодная и сырая.

*19 июня, суббота
Яндом-озеро*

В первой половине дня шли следующие работы: Изо – продолжались изучение и обмер начатых накануне усадеб, а также дома, ныне занятого школой в части его надворных построек. Делались рисунки, шла этнографическая работа.

Отделы Тео, Музо и Лито обрабатывали материал, собранный в В<еликой> Губе за последние дни. Кроме того, была произведена запись нескольких песен в исполнении М. Г. Утичиной.

В 2 ч<аса> 55 м<инут> экспедиция в полном составе выступила в Яндом-озеро лесной дорогой (3 версты) через каменистые кряжи и болотца – иногда с мостиками. Далее – в лодке (около 4-х верст) через озеро в погост <д. Погост?> Яндом-озеро и остановилась в помещении местной школы. Основная группа экспедиции прибыла на место в 6 ч<асов> 30 м<инут>. Трое из членов экспедиции, сбившись с пути (шедшие в середине группы), вышли к дер<евне> Сенькам (Сеньково), собрали там некоторые сведения о материале и в 7 ч<асов> 40 м<инут> присоединились к экспедиции в Яндом-озере.

В Яндом-озере были осмотрены для ознакомления с имеющимся материалом деревни Погост, Родионово, Потаповщина и Есино, входящие в село Яндом-озеро. Начата работа по всем Отделам.

Во время перехода погода была холодная, ветряная, но без дождя. Вечером был дождь.

*20 июня, воскресенье
Яндом-озеро*

Сегодня были произведены следующие работы:

Изо: обмер и изучение местной церкви. Обмер деталей, зарисовки и фото съемки в деревнях Погост, Потаповщина и Есино.

Тео утром записывали дружек в дер<евне> Потаповщине (Обельщине), фотографировали гулянье и танцы, а вечером присутствовали на спектакле в местной школе.

Лито и Музо вместе занимались обследованием деревень Потаповщина и Есино. Был собран фольклорный материал, но преимущественно по Отделу Лито.

Отдел Музо нашел в Яндом-озере очень мало материала. Кроме того, часть Лито и Музо оставалась в Погосте для учитывания народного гулянья.

Погода была ясная.

21 июня, понедельник

Изо – осмотрены деревни Раньково, Истомино и Комлевщина с некоторыми зарисовками и обмерами. Продолжались работы по изучению деталей построек и самих построек, этнографических материалов, узоров и фотографирование в Погосте (Яндом-озерском⁹²), дер<евне> Есине и в дер<евне> Потаповщине. Фотографировалась свадьба в Вел<икой> Губе (вечером) и сделаны наблюдения над ней.

Тео – в 10 ч<асов> вышли из Яндом-озера в дер<евню> Кондобережскую, где целый день наблюдали и учитывали обряд народной свадьбы. Кроме того, собраны материалы по похоронам и свадебные приметы.

Лито и Музо – утром собирали материал в деревне Потаповщине, Есине, Ранькове, Истомино и Комлевщине, и частично присутствовали на свадьбе вместе с Отделом Тео в деревне Кондобережской.

Около 6 час<ов> (6 ч<асов> 15 м<инут>) экспедиция вернулась в Вел<икую> Губу; вечером все Отделы занимались проработкой собранного материала. Группа, работавшая в Кондобережье, вернулась в Вел<икую> Губу около 11 ч<асов> веч<ера>. В группе работали: В. Н. Всеволодский, А. М. Астахова, З. В. Эвальд, С. С. Писарев и Р. Р. Суслович.

22 июня, вторник

Отдел Музо весь день был занят проработкой собранного накануне материала и записью песен в Великой Губе. Так же работал Отдел Лито. Отдел Тео кончал работу по свадьбе в Кондобережье, и обрабатывал материалы. По Отделу Изо продолжались работы по обмеру и изучению памятников Вел<икой> Губы – в дер<евнях> Погосте, Тарасах и Верховьи. В 3 ч<аса> 30 м<инут> группа работников экспедиции в составе К. К. Романова, В. В. Эвальд⁹³, Н. П. Колпаковой, А. В. Финагина, С. С. Писарева, Р. Р. Суловича, И. В. Карнауховой, Ю. Н. Дмитриева и Ф. И. Морозова уехала для работы в дер<евню> Вигово на противоположный берег Великой Губы⁹⁴. В Вигово был собран многочисленный материал по отделу Лито, обмерялись детали и делались фотосъемки Отделом Изо и проводи-

⁹² См. фотографию, опубликованную К. К. Романовым: *Романов К. К. Жилой дом в Заонежье...* С. 42. Рис. 20.

⁹³ Виктор Владимирович Эвальд (1860–1935) – русский ученый, основоположник научного строительного материаловедения, профессор Института гражданских инженеров, виолончелист, композитор (автор первых сочинений для brass-квинтета), член Беляевского кружка, в котором имел тесное общение с Н. А. Римским-Корсаковым и другими знаменитыми музыкантами. Отец Зинаиды Викторовны Эвальд. Согласно вводной заметке к сборнику «Искусство Севера», В. В. Эвальд добровольно присоединился к экспедиции и оказал ей «огромные услуги по сборанию песенного музыкального материала» (Предисловие... С. 7, сноска 1).

⁹⁴ Группой была сфотографирована заброшенная постройка церкви в поселке купца Корельского при д. Вигово: *Романов К. К. Жилой дом в Заонежье...* С. 45. Рис. 23.

лось обследование местного театра Отделом Тео. В начале 10-го группа вернулась в дер<евню> Тарасы⁹⁵. Вечером по всем Отделам прорабатывался материал.

Погода весь день стояла ясная. Вечером около 8-ми часов был небольшой дождь.

23 июня, среда

Изо – закончен обмер избы Лопаткиных и избы Пахомовых. Начато изучение и обмер избы Костина в дер<евне> Верховье⁹⁶. Производилась работа по изучению тканей, и шитья, и бытовых предметов. Производилось фотографирование в районе Вел<икой> Губы.

Музо – приводил в порядок собранный материал.

Лито – собирал материал в дер<евне> Сибово и обрабатывал собранный ранее.

Тео – изучал театральное помещение в избе-читальне дер<евни> Погост. Уехал В. Н. Всеволодский.

Предположенное отправление части экспедиции для продолжения работы в Космозере не могло состояться из-за ненастной погоды.

24 июня, четверг

Космозеро

В 9 ч<асов> 30 м<инут> утра вся экспедиция за исключением Отдела Изо выступила из Великой Губы по направлению к Косм-озеру, куда прибыла в 12 ч<асов> 30 м<инут>.

После небольшого перерыва и отдыха всеми Отделами была начата работа по обследованию Косм-озера и по собиранию материала, продолжавшаяся до вечера. Был собран большой материал по разным Отделам и получены сведения о ближайших окрестностях Косм-озера⁹⁷, где сотрудники экспедиции могли бы провести работу в ближайшем будущем.

Оставшимися в Вел<икой> Губе сотрудниками Изо был обмерен дом Костина и произведены зарисовки деталей в дер<евне> Верховье. Вечером К. К. Романов приезжал в Косм-озеро для указания работы фотографу и для ознакомления с селом.

25 июня, пятница

Космозеро

С утра шла интенсивная работа по всем Отделам.

⁹⁵ В этот день на фонограф была записана только одна лирическая песня в д. Тарасы: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 017.

⁹⁶ Описание дома Н. Г. Костина и фотографии см. в работе: *Романов К. К.* Жилой дом в Заонежье... С. 30. Рис. 16.

⁹⁷ Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд работали в этот день в д. Погост Космозерского с/с (так называемый Космозерский Погост), где записали на фонограф былину «Женитьба князя Владимира» и историческую песню об Иване Грозном и сыне Федоре от П. Г. Горшкова и свадебное причитание от П. Н. Коренной, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 018.

Тео – учитывал песни для танцев, игры и беседы дер<евни> Космозера. Записана часть местного свадебного обряда. Записаны некоторые песни в дер<евне> Терехове и в поле у дер<евни> Космозера. Вечером Отдел Тео учитывал гулянку и записал игру «Пахомушко».

Лито – собирали былины от кр<естьянина> Горшкова и песенный материал в дер<евне> Косм-озере. Работы началась в 8 час<ов> утра и кончилась в 11:30. Собран литер<атурный> материал по песням, сказкам, частушкам, загадкам и проч<им> жанрам.

Музо – утром сверяли материалы, записанные в Вел<икой> Губе с Космозерскими записями песен. Днем работали в контакте с Отделом Лито. Вечером было произведено несколько фонографических записей⁹⁸. Отделом Музо за сегодняшний день составлен полный список всех записанных до сих пор песен. Частично собран материал в дер<евне> Терехове.

Изо – произведено 7 снимков в дер<евне> Терехове⁹⁹ и 4 снимка в дер<евне> Косм-озере.

Группой <Изо> в В<еликой> Губе приводился в порядок материал, собранный в Вел<икой> Губе. Обмерен дом школы. Продолжался обмер дома Костина в Верховье; производился обмер и зарисовка деталей, и раскраска в дер<евнях> Верховье и Тарасах. Шла работа по изучению материалов по шитью и этнографических.

26 июня, суббота

Изо. Группой, остававшейся в Вел<икой> Губе, закончен обмер дома Костина в Верховье и дома Пахомова в Погосте. Производилась зарисовка архитектурных деталей и шитья, а также предметов домашнего обихода в Тарасах, Погосте, Моглецах и Верховьи. В 12:30 К. К. Романов и А. К. Сытова прибыли из Вел<икой> Губы в Косм-озеро. В 9 час<ов> веч<ера> прибыли Е. Э. Кнатц и К. А. Большева. По прибытии К. К. Романов осмотрел деревню Косм-озеро (Погост¹⁰⁰, Демидовка), Артово и Новинку.

Музо – утром обследовал дер<евню> Терехово и собирал песенный материал. Затем производилась аналогичная работа в дер<евнях> Артове, Новинке и Микове. Оставшимся в Косм-озере Е. В. Гиппиусом было записано несколько песен от крестьянок¹⁰¹.

Лито – обрабатывали собранный материал и собирали новый в дер<евнях> Погосте, Артове, Новинке и Микове.

⁹⁸ В этот день было произведено несколько звукозаписей в д. Погост (Космозерский), см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 019–023. В общей сложности группой МУЗО было записано 13 произведений музыкального фольклора: лирические песни, баллады, свадебные песни и детская потешка.

⁹⁹ Описания домов (например, дома Мелехова) в д. Терехово были использованы К. К. Романовым в статье: *Романов К. К. Жилой дом в Заонежье...* С. 34–35. См. также фото новой деревни: Там же. С. 48. Рис. 25.

¹⁰⁰ Имеется в виду д. Космозерский Погост.

¹⁰¹ Согласно инвентарной книге, запись проходила в д. Погост (Космозерский Погост), см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 024.

Тео – работали совместно с группами Лито и Музо, учитывая исполнение сказок и песен.

27 июня, воскресенье

Изо – подробно осмотрена деревня Терехово. Производился обмер двух шатровых церквей и колокольни на <Погосте>, зарисовка архитектурных деталей и тканей, изучение вышивок и этнографических предметов. Производилось фотографирование избы Костина в дер<евне> Верховьи. Днем прибыла группа Изо, кончавшая работу в Верховьи (Ю. Н. Дмитриев и Л. М. Шуляк). Вместе с ними вернулся Ф. М. Морозов, уехавший в Верховье накануне.

Лито – прорабатывали собранный накануне и в предыдущие дни материал и вечером собирали новый в дер<евне> Погост.

Музо – обрабатывали собранные материалы и производили вечером фонографическую запись солистов, пришедших из дер<евни> Миково и хора¹⁰². Кроме того, велась запись на слух.

Тео – наводили справки о местной клубной жизни и школьном театре. Вечером присутствовали на игре «Пахомушко» и учитывали ее.

Около 11 ч<асов> вечера прибыла из Сенной Губы Т. В. Попова – заместительница уехавшего С. <И>. Бернштейна.

Все три последние дня погода ясная и жаркая.

28 июня, понедельник

Изо – закончен обмер обеих церквей Космозера; изучались предметы шитья и быта с их орнаментацией в дер<евнях> Погост, Терехово. Производилось фотографирование на Погосте, в Комлеве.

Тео – собирали материал в дер<евнях> Погосте и Демидове, записывали игры и танцы, помогали Отделу Лито при записи песен и сказок (учитывали манеру исполнения).

Музо – просматривали материал, привезенный Т. В. Поповой из Сенной Губы и материал, записанный на фонограф в Космозере. Производились новые записи – фонографические¹⁰³ и на слух.

Лито – часть работников (А. М. Астахова и Т. В. Попова) работали в дер<евне> Комлеве. Собраны сказки и песни. Остальные работали в деревне Погост.

Погода без перемен.

29 июня, вторник

Лито – систематизировали материал, собранный в предыдущие дни. А. М. Астаховой записано несколько былин и духовных стихов. И. В. Карнаухова обследовала сказочный репертуар у ряда сказочников. Н. П. Колпакова обследовала утром дер<евню> Миково на озере Свентухе, затем работала в дер<евне> Погост.

¹⁰² Фонографические записи требуют идентификации.

¹⁰³ Фонографические записи установить не удалось.

Музо – записывали на фонограф свадебные и похоронные причитания от П. Н. Коренной и др<угой> материал от нее же¹⁰⁴. Е. В. Гиппиус ходил утром с К. К. Романовым и Н. П. Колпаковой на обследование дер<евни> Миково.

Тео – составляли сценарий игры «Пахомушко», записанной в предыдущие дни.

Изо – обмеряли дом Мелехова в дер<евне> Терехове. Делали зарисовки и обмеры в дер<евнях> Терехове и Погосте. Обследована столярная мастерская в дер<евне> Погост при школе и влияние ее на искусство деревни. Велась работа по изучению тканей и предметов быта. Производилось фотографирование в дер<евнях> Терехово и Погосте.

Погода без перемен.

30 июня, среда

Лито – А. М. Астаховой записаны заговоры, песни и свадебные причитания в дер<евнях> Демидове и Дриске. Остальные работали на Погосте.

Изо – обмеряли дом Мелехова в дер<евне> Терехове, изучались и копировались детали росписей и резьбы там же, изучались вышивки в дер<евне> Погост. Изучались некоторые данные по производствам и их истории на Погосте. Производилось фотографирование в дер<евнях> Терехове и Погосте.

Музо – обрабатывали собранный материал и собирали новый в дер<евне> Дриске. Обследована дер<евня> Терехово. Собран материал в дер<евне> Погосте¹⁰⁵.

Тео – производилось фотографирование игры «Пахомушко» и дополнительная запись материалов по ней. Запись старинной свадьбы от П. Н. Коренной. Обработан собранный материал и собраны примеры по различным праздникам и гаданиям.

С. С. Писарев около 6-ти часов ушел по маршруту Вел<икая> Губа, Кондобережье, Яндом-озеро, Марковщина с целью дополнительного собирания материала с тем, чтобы присоединиться к общему составу экспедиции в ближайшие дни в Вел<икой> Ниве в Фойма-Губе.

1 июля, четверг

Село Великая Нива¹⁰⁶

Изо – закончен обмер дома Мелехова в дер<евне> Терехово; произведена работа по некоторым деталям. Во время пути на Вел<икую> Ниву сделаны зарисовки, заметки и фотографические снимки в дер<евнях> Пургино и Комлево. Сделаны снимки в Вел<икой> Ниве (дер<евне> Якорь-Ледина¹⁰⁷).

¹⁰⁴ В формулярах к фоноваликам Т. В. Поповой указана другая дата – 30 июня. От П. Н. Коренной ею были записаны 3 сказки, см.: ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 768, 769.

¹⁰⁵ Согласно описям фоноваликов, запись велась в д. Великая Нива, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 027, 028.

¹⁰⁶ Название деревни вставлено черными чернилами.

¹⁰⁷ Материалы по архитектуре были использованы в работе К. К. Романова: *Романов К. К. Жилой дом в Заонежье...* С. 35.

Экспедиция в полном составе, за исключением К. К. Романова, Е. Э. Кнатц, Ю. Н. Дмитриева и Л. М. Шуляк, оставшихся в Косм-озере (и С. С. Писарева, ушедшего накануне в Вел<икую> Губу), вышли из Косм-озера в 10 час<ов> утра с остановкой в Комлеве. Часть экспедиции прибыла в Вел<икую> Ниву: в 1 ч<ас> дня (В. В. Эвальд, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус, Н. П. Колпакова и Р. Р. Суслович) и в 5 час<ов> (А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, А. В. Финагин, А. К. Сытова, Т. В. Попова, Ф. М. Морозов, К. А. Большева). К. К. Романов и Е. Э. Кнатц выехали из Косм-озера в 7 час<ов> 30 м<инут> и прибыли в Вел<икую> Ниву в 10 ч<асов> 30 м<инут> с остановкой в Комлеве и Пургине.

В Вел<икой> Ниве были собраны материалы:

по Лито – песни, частушки, загадки, причитания в дер<евне> Вел<икой> Ниве и былины и духовные стихи и в дер<евне> Якорь-Ледине.

по Музо – для дополнительных записей З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус ходили в Комлево из Великой Нивы и вернулись около 8 час<ов> веч<ера>.

по Тео – собрали материал по игре «Пахомушко» (варианты исполнения девушек). Делали наблюдения и записи над местными танцами.

Ночью шел дождь. Утром было облачно, а затем день был ясный с довольно сильным ветром. Экспедиция остановилась частью в местной школе, частью в соседнем крестьянском доме.

2 июля, пятница

В 12 ч<асов> дня из Косм-озера пришли Л. М. Шуляк и Ю. Н. Дмитриев. Весь день продолжались работы:

Изо – по изучению материалов, обмеру и фотографированию в Вел<икой> Ниве¹⁰⁸, Якорь-Ледине и Палтоге.

Лито, Тео и Музо – собирали материал в тех же деревнях¹⁰⁹ и на празднике в честь Варлаама Хутынского в дер<евне> Палтоге. Вечером в 7 ч<асов> вышли в Хмель-озеро: А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус с тем, чтобы присоединиться к экспедиции на следующий день в Фойма-губе.

Около 3 ч<асов> дня к экспедиции присоединился С. С. Писарев, собиравший дополнительные материалы в Вел<икой> Губе, в Кондобережье, в Сеньках, в Яндом-озере и Марковщине.

Погода ясная.

3 июля, суббота

Шуньга

Утром экспедиция выступила пешком из Вел<икой> Нивы в Фоймо-губу. Первая партия в 9:30 м<инут>, вторая в 9:50. К часу дня обе партии сосредоточились в Фоймо-губе, откуда в 4:10 м<инут> вышли на лодке в Шуньгу. Прибыли

¹⁰⁸ См. фотографию дома в с. Великая Нива: Романов К. К. Жилой дом в Заонежье... С. 29. Рис. 15.

¹⁰⁹ См. фонозапись песни «Во тумане пекё красно солнышко», выполненную сотрудниками МУЗО 2 июля в д. Великая Нива (ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 028).

в Шуньгу в 9:50 м<инут> вечера и остановились в школьном помещении. Группа в составе А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой, З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса, вышедшая накануне из Фоймо-губы на Хмель-озеро, ночевала в Хорлове, сбившись с дороги, и утром около 10 ч<асов> 30 м<инут> вышла на Хмель-озеро¹¹⁰, откуда пришла в Фоймо-губу в 4 ч<аса> 30 м<инут> дня. К экспедиции группа присоединилась в Шуньге в 11 ч<асов> 25 м<инут> вечера, сделав переход в лодке из Фоймо-губы в Шуньгу.

Некоторые наблюдения по всем отделам были произведены во всех пунктах пути и на местах остановок.

Погода была ясная, но днем прошел сильный ливень с градом, застигший экспедицию в Фоймо-губе.

4 июля, воскресенье

Изо – собирались материалы в Шуньге (Погост, дер<евни> Большой двор и Гоголево, а также Майская Гора, Истомино, Лазарево, Кулдысово, Дерезузово, Лок и Мишкарево). Производилось фотографирование в Шуньге. Осмотрены деревни Юшева Гора, Пахомово, Могучая, Застеницы, Нефедова.

Лито – А. М. Астахова и И. В. Карнаухова обследовали дер<евню> Нефедову. Записан ряд песен, сказок, анекдотов, присказок и т<ому> п<одобное>, в семье Белковых. Н. П. Колпаковой обследованы дер<евни> Мишкарево, Лок, Кулдысово, Лазарево.

Музо – работали совместно с Лито в дер<евне> Нефедовой¹¹¹. Записаны похоронные причитания в дер<евне> Погост.

Тео – обследовали дер<евни> гору¹¹², Пахомово, Могучую, Лахново и шесть деревень под общим названием Пабережье¹¹³.

Погода весь день переменная с дождем.

5 июля, понедельник

Лито – собран материал в дер<евнях> Сельге, Котомине, Нефедове, Дерезузове, Мишкареве и Лазарево. Собраны: песни, загадки, заговоры, сказки, причитания, духовные стихи, частушки, бытовые анекдоты, приговоры дружки.

Музо – работал весь день в контакте с Лито. Произведены фонографические записи в деревне Лазарево¹¹⁴.

¹¹⁰ Сохранилось окончание записи песни «За годочек», сделанной группой МУЗО в этот день в Хмель-озере, см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 029.

¹¹¹ См.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 032.

¹¹² Первая часть названия деревни отсутствует, в Дневнике оставлено пустое место.

¹¹³ Вероятно, имеется в виду деревня Побережье Шуньгского с/п и ближайšie к ней.

¹¹⁴ Два из трех фоноваликов с записью в этой деревне были разбиты, третий (ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 033) получил трещину. В тот же день сотрудники МУЗО продолжили фонографическую запись в д. Нефедово (ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 030), а также вели запись исполнителей из д. Крестные горки (ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 031, 037).

Тео – работа производилась в дер<евне> Погосте: обмерен местный театр и снят план. В дер<евне> Нефедовой записано исполнение сказок кр<естьянином> Белковым, приговоры дружек и варианты игры «Пахомушко». Записано исполнение причетов на Крестовой горе от кр<естьянки> Мишиной. Осмотрены дер<евни> Кузь Губа, Пресная Гора, Цылыпала и Лазарево.

Изо – штудировались материалы по орнаментации в дереве и архитектурные в дер<евнях> по Пуд-озеру: Завьяловцы, Чульчинская, (Юшинская) Мартыновцы, Алеховщина, Зехнова-губа, Пороги, Карауловцы, Екимово. Собирались материалы по вышивкам, росписи предметов домашнего обихода и по бытовой технике в дер<евнях> Погост, Б<ольшой> Двор, Карауловцы, Мишкарево, Дерегузово. Производилось фотографирование в дер<евнях> Истомино, Лазарево, Кулдысово, Дерегузово, Нефедово, Погост и Б<ольшой> Двор.

Погода переменная.

6 июля¹¹⁵, вторник

Изо – производилась работа в Шуньгском Погосте, Б<ольшом> Дворе, Гоголеве и Дубневе, а также у Шуньгской пристани по изучению материалов. Производилось фотографирование в дер<евне> Чульчинской, Мартыновцы, Алеховщина, Зехнова Губа, а также на Погосте.

Лито – собран материал в дер<евнях> Мишкареве, Лазарево, Шуньгский Бор. Записаны духовные стихи, песни, частушки, сказки.

Музо – работали в контакте с Лито. Записано 12 песен в дер<евне> Шуньгском Бору на слух; несколько песен и причитаний взяты на фонограф в дер<евне> Мишкарево¹¹⁶. Записаны на слух песни в дер<евне> Лазарево.

Тео – сфотографировано здание местного театра. Собран материал в дер<евне> Шуньга-Бор. Собраны сведения по самодеятельному театру. Учтен первый акт спектакля в местной школе.

Погода весь день переменная с дождем.

7 июля, среда

Изо – продолжалось собирание материалов в дер<евнях> Погост, Б<ольшом> Дворе, Гоголеве, а также в деревнях, ближайших к Шуньгскому Погосту. Фотографировалось празднество на Шуньгском Погосте и материалы в ближайших окрестностях.

Лито – собран материал в дер<евнях> Звяговщине, Гоголеве, Мишкареве, Дерегузовой, Кулдысовой.

¹¹⁵ В Дневнике ошибочно указано 6 июня.

¹¹⁶ См.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 034, 035.

Музо – обрабатывали собранные в Шуныге материалы, работали совместно с Лито в дер<евнях> Дерегузовой и Кулдысовой. Вечером производились фонографические записи в деревне Гоголеве¹¹⁷ и Лазареве¹¹⁸.

Тео – весь день работали по учету народного гулянья на Погосте. Вечером учитывали деятельность местного кино.

Погода переменная с дождем.

*8 июля, четверг
Пароход «Бебель»*

Последний день полного состава экспедиции. По Отделам Изо и Лито сделаны некоторые дополнительные наблюдения в районе Шуныги.

Экспедиция разделилась на несколько отдельных групп в связи с окончанием общих объединенных работ.

I <группа> – Ю. Н. Дмитриев и С. С. Писарев с целью обследовать юго-восточную часть Шуныгского полуострова (Типиницкую волость) в 12 ч<асов> выехали на лошадях в Толвуй, предполагая далее продвинуться пешком на Кузаранду, Тамбицу, Типиницы, Пофсельгу (или Корытово) и Марковщину в Вел<икую> Губу для присоединения ко II группе.

II гр<уппа> – К. К. Романов, Е. Э. Кнатц и Н. П. Колпакова на пароходе «Бебель» в 10 ч<асов> 15 м<инут> в<ечера> (пароход по расписанию должен был выйти в 3 ч<аса> дня) вышли из Шуныги-пристань в Вел<икую> Губу для дополнительных работ.

III гр<уппа> – А. М. Астахова, И. В. Карнаухова и З. В. Эвальд до субботы 10-го остались в Шуныге для дополнительных работ к западу от Шуныги в районе, близком к Светухе и Косм-озеру. В субботу 10-го эта группа предполагает выступить пешком для обследования материалов по Отделам Лито и Музо из Шуныги близ берега Онежского озера на Толвуй, в районе Толвуя произвести работы и дальше или: пройти пешком до Кузаранды и обследовать Кузарандский район, а затем в Типиницах сесть на пароход, или: сесть на пароход в Толвуйе и, высадившись в Типиницах, обследовать район Типиницкой волости, а затем вернуться в Типиницы. Из Типиниц эта группа предполагает переправиться на пароходе в Кижы и обследовать Кижский район в отношении былинного и сказочного материала, после чего вернуться в Ленинград.

IV гр<уппа> – В. В. Эвальд, Л. М. Шуляк и Т. В. Попова, вместе со II-й группой выйдя из Шуныги, направились прямо на Петрозаводск и далее на Ленинград.

V гр<уппа> – А. В. Финагин, Е. В. Гиппиус, А. К. Сытова, К. А. Большева, Р. Р. Суслович предполагали из Шуныги направиться в местечко Медвежья Гора, чтобы оттуда выехать в Ленинград, но, опоздав на пароход, присоединились для следования в Ленинград к IV группе.

¹¹⁷ См.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 036. Кроме того, в этот день МУЗО были записаны лирические песни в д. Ботвинщина Шуныгской вол., см.: ФА ИРЛИ, к. 1, ФВ 038–040.

¹¹⁸ Фонозаписи не сохранились.

VI <группа> – фотограф экспедиции, выйдя из Шуньги одновременно с прочими, отправился через Петрозаводск в Пудожский уезд на Бесов Нос для фотографирования, с тем чтобы оттуда вернуться в Ленинград.

Погода холодная, ветряная, но без дождя.

9 июля, пятница

В<еликая> Губа

В 8 ч<асов> 40 м<инут> утра «Бебель» пришел в В<еликую> Губу, где высадились К. К. Романов, Е. Э. Кнатц и Н. П. Колпакова. В пути на пароходе видны были шатровые церкви с шатровыми колокольнями в с<еле> Песчаном на вост<очном> берегу Онежского озера и Типиницах на Шуньгском полуострове. В Типиницах видно несколько старых домов-усадеб. В Сибове видна часовня с колокольней обычного вида и несколько старых домов рядом с новейшими.

В Вел<икой> Губе по Отд<елу> Изо готовились обмер сарая амбара на Погосте и производилось изучение вышивок. По Отделу Лито приводились в порядок собранные во время экспедиции материалы.

Погода ясная и теплая.

10 июля, суббота

По Отделу Изо продолжалось изучение материалов: архитектурных (Тарасы) и по вышивкам (Моглецы, Тарасы).

11 июля, воскресенье

В 2 ч<аса> 30 м<инут> ночи прибыли С. С. Писарев и Ю. Н. Дмитриев из Типиниц, выполнив предположенный путь от Шуньги до Типиниц.

По Отделу Изо закончен обмер сарая Е. Е. Королева на Погосте Вел<икой> Губы. Обмерена баня в дер<евне> Тарасы. Продолжалось изучение вышивок в дер<евнях> Моглецы, Погост и Тарасы.

По Отделу Лито произведены дополнительные записи песен.

Вечером в 12 ч<асов> К. К. Романов, Е. Э. Кнатц, Ю. Н. Дмитриев и С. С. Писарев вышли из Вел<икой> Губы в Типиницы на пароходе «Бебель» (который должен был по расписанию отойти в 6 ч<асов>). С этим же пароходом в 11 ч<асов> веч<ера> в Вел<икую> Губу прибыл из Ленинграда Д. К. Зеленин.

Погода ясная и теплая.

12 июля, понедельник

В 2 ч<аса> 30 м<инут> ночи экспедиция в составе К. К. Романова, Е. Э. Кнатц, Ю. Н. Дмитриева и С. С. Писарева прибыла на Типиницкую пристань, а оттуда к 3 ч<асам> 40 м<инутам> прибыла в село Типиницы – Погост. В Типиницах изучены материалы по резьбе из дерева, архитектурные и по вышивкам. В 1 ч<ас> дня К. К. Романов выехал из Типиниц обратно на лошади и в 4 ч<аса> прибыл в Вел<икую> Губу.

По Отделу Лито в В<еликой> Губе 12 июля были собраны дополнительные материалы и обрабатывались старые.

Д. К. Зелениным велась работа по изучению быта в дер<евнях> Тарасы, Погост, Моглецы.

Погода с утра была ясная, но во второй половине дня резко переменялась после грозы на проливной дождь, продолжавшийся до вечера.

13 июля, вторник

Петрозаводск

По Отделу Изо сделаны дополнительные наблюдения в дер<евне> Верховьи над домом Марушиных, а также в дер<евне> Тарасах над некоторыми архитектурными деталями.

По Отделу Лито дополнительно собирался материал и обрабатывался старый.

В 5 ч<асов> 30 м<инут> д<ня> на пароходе «Бебель» К. К. Романов, Д. К. Зеленин и Н. П. Колпакова встретились с выехавшими из Типиниц Е. Э. Кнатц, Ю. Н. Дмитриевым и С. С. Писаревым и вместе вошли в Петрозаводск, куда прибыли в 11 ч<асов> веч<ера> (по расписанию пароход должен был выйти из Вел<икой> Губы в 5 ч<асов> 30 м<инут> утра и прибыть в Петрозаводск около 11 ч<асов> утра). Приехавшие из Типиниц сообщили, что с тем же рейсом «Бебеля», с которым экспедиция вышла из В<еликой> Губы, в Типиницах высадились А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, З. В. Эвальд, выполнившие предыдущую свою программу и предполагающие после работ в Типиницах отправиться на лодке в Кижы.

Погода пасмурная.

14 июля, среда

Пароход «Володарский»

Переночевав на пароходе «Бебель», члены экспедиции в 4 ч<аса> 40 м<инут> дня (вместо 12 ч<асов> дня по расписанию) вышли из Петрозаводска на пароходе «Володарский» в Ленинград. В Петрозаводске К. К. Романов и Н. П. Колпакова были в музее; видеть председателя Совнаркома тов<арища> Гюллинга¹¹⁹ К. К. Романову не удалось из-за его отсутствия.

В Петрозаводске на пароход «Володарский» сел также фотограф экспедиции Ф. М. Морозов, вернувшийся из Пудожского уезда.

Погода ясная, ветряная.

¹¹⁹ Эдуард Александрович Гюллинг (Эдвард Отто Вильгельм, 1881–1938) – экономист, государственный деятель, доктор философии, в 1923–1935 гг. являлся председателем Совета Народных Комиссаров Автономной Карельской ССР.

С. В. Подрезова

15 июля, четверг
Пароход «Володарский»

В 2 ч<аса> 30 м<инут> утра «Володарский» пришел в Вознесенье, откуда вышел в 5 ч<асов> 40 м<инут> утра. В 4 ч<аса> дня остановились на один час в Лодейном поле, около 8-ми в Свирицах и около 8:45 вышли из устья Свири в Лужское озеро.

День ясный с сильным ветром.

В Лодейном поле высадился Ф. М. Морозов.

16 июля, пятница
Пароход «Володарский»

В 5 ч<асов> утра остановились в Шлиссельбурге и в 7 ч<асов> 35 м<инут> утра пришли в Ленинград в составе членов экспедиции:

К. К. Романова, Е. Э. Кнатц, Ю. Н. Дмитриева, С. С. Писарева, Н. П. Колпаковой, Д. К. Зеленина.

В Заонежьи на несколько дней остались для работы А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, З. В. Эвальд.

Заведующий экспедицией: [подпись К. Романова]
Секретарь: [подпись Н. Колпакова]

Источник: РО ИРЛИ, р. V, к. 2, п. 11, ед. хр. 3.
Машинопись

Два письма С. И. Бернштейна к матери,
Полине Самойловне Бернштейн¹²⁰

1

Письмо от 14 июня 1926 г.

Великая Губа
П<о>н<едельник> 14 VI <19>26. 8 ч<асов> в<ечера>

Дорогая мамочка<!>

Вчера в 9 час<ов> веч<ера> мы приехали в погост, название к<ото>рого выписано на первой строке этого письма. Остановились в школе. Я с некоторыми другими сплю на сеновале. Едва мы приехали, начало все отчетливее обнаруживаться, что дело не слажено, что о плане работы не столковались, что трудно осуществимо сочетание в одной экспедиции 1) семнадцати человек и 2) зрелых

¹²⁰ Полина Самойловна Бернштейн (урожд. Рабинович, 1870–1949) – переводчица с немецкого языка, первый автор переводов произведений Стефана Цвейга, стала одним из первых членов Советского союза писателей. Мать С. И. Бернштейна и писателя Александра Ивича (И. И. Бернштейна). Между С. И. Бернштейном и его матерью сложились доверительные отношения. Их обширная переписка отложилась в фонде С. И. Бернштейна в ОР РГБ.

работников с зеленой молодежью на равных правах. Обнаружились и другие неприятные вещи – напр<имер>, что я оказался в несколько нелепом положении: я должен или считать себя участником словесной¹²¹ группы, к<отор>рой руководит моя бывшая слуш<ательни>ца А. М. Астахова, или обречь себя на пользование одним только случайным материалом. Я избрал¹²² последнее. Это треплет нервы, но выбор другой возможности тоже не содействовал бы их укреплению. Так терпит крах одна из основных задач, к<ото>рые я себе поставил: я предвидел, что отдохнуть¹²³ от Петербурга в обществе институтских людей немыслимо. Все межразрядные и внутриразрядные дразги поехали с нами и теперь развиваются в Великой Губе. Не могу сказать, что мне не попадается никакого интересного материала, но должен правду сказать – мало. Если так будет продолжаться, то возможно, что (если не побоюсь скандальчика) я уеду домой¹²⁴ в ночь не на будущий вторник, а на эту пятницу. А впрочем, сегодня вечером я поговорю с начальником экспедиции, не отпустит ли он меня куда-нибудь верст за 10, а то и за 30 одного: здесь мне слишком нечего делать.

Что касается еды, то я съел котлеты, пирожки и печенье. Курицу начну сегодня вечером или завтра утром, если она еще годится. Денег не трачу, но на дорогу от Петрозаводска (3 руб<ля>) и кой-какую мелочь на общий стол вычитают из той суммы, к<ото>рую я должен дополнить.

Здесь я сделал перерыв и съел около половины курицы – совсем свежая.

В Петрозаводске я рассчитывал получить от тебя письмо, но ожидания мои были обмануты. Значит, в пятницу мне телеграммы не было. Удастся ли мне получить от тебя что-нибудь?

Надо кончать и заняться разборкой своего материала. В комнате гвалт. На моем сеновале уже¹²⁵ темно.

Погода разная: то жарко, но не чрезмерно, благодаря постоянному ветру с озера, то прохладно¹²⁶ с избытком, как сейчас. Сегодня был небольшой дождь. Мы были дома и заседали.

Вот штрих для характеристики нашей работы. – В 2 часа все группы¹²⁷ сошлись после рекогносцировок, и началось заседание для установления дальнейшего маршрута и плана действий. В 3 ½ ч<аса> сделали перерыв для обеда и через час возобновили заседание. В 6 час<ов> я пошел спать – заседание продолжалось. В 7 ½ я встал – заседание еще не кончилось. Тьфу! Ну, Бог с ними.

Крепко целую тебя.

Серезжа

Источник: ОР РГБ, ф. 948, картон 76, д. 17, л. 29–31 об.

¹²¹ Слово вставлено сверху.

¹²² Вписано вместо вычеркнутого «решил».

¹²³ Изначально: «отдыхать».

¹²⁴ Слово вставлено сверху.

¹²⁵ Слово вставлено.

¹²⁶ Вставлено вместо вычеркнутого «холод».

¹²⁷ Перед словом зачеркнуто: сошлись.

Письмо от 22 июня 1926 г.

Сенная Губа. Вт<орник> 22 VI <19>26

Дорогая мамочка<!>

В воскресенье получил от тебя через Попову¹²⁸ письмо (единственное дошедшее до меня) и передачу. Спасибо за то и за другое. Очень удивляет меня отсутствие известий¹²⁹ из Краснодара. Тем не менее я решил остаться здесь еще 3 дня, чтобы не прерывать работу на очень интересном месте. Пароход, к<ото>рый уйдет сегодня вечером (вместо 7 часов утра по расписанию), повезет не меня, к<а>к я предполагал раньше, а это письмо и телеграмму, к<ото>рая будет отправлена из Петрозаводска. Сам же я выеду в пятницу. Если пароход уйдет не слишком поздно, то я в тот же вечер сяду в поезд в Петрозаводске и на следующее утро буду дома. Если же пароход сильно опоздает, что весьма вероятно, то переночую в Петрозаводске и проведу там чуть не сутки – без фонографа – какая тоска! – и буду дома в воскресенье утром.

Отделившись¹³⁰ от экспедиции, я обрел душевное спокойствие и получаю от деревни все удовольствия, каких можно от нее ожидать. В течение трех суток я записывал былины – мне пел молодой человек – сын Ив<ана> Герас<имо>вича Рябинина¹³¹, к<ото>рый 6 лет т<ому> н<азад> был в П<етер>б<урге>, а этой зимой умер¹³². Тогда Всеволодский записал тексты его былин, а я записал его в фонограф¹³³. Теперь, значит, есть тексты и образцы исполнения его сына¹³⁴. Его дед¹³⁵ и прадед¹³⁶ давно записаны. Так<им> обр<азом>, теперь можно проследить подновление¹³⁷ и искажение текста в 4-х поколениях. Песни поют очень охотно, но это мне мало интересно – это для музыкантов. Здесь я¹³⁸ пользуюсь указаниями местного священника – очень образованного и знающего край старика – и его дочери-учительницы, собравшей кой-какой фольклорный матери-

¹²⁸ Согласно документам, Т. В. Попова приехала в Сенную Губу 20 июня, в воскресенье.

¹²⁹ Слово вставлено после вычеркнутого: «известие».

¹³⁰ Слово вставлено вместо вычеркнутого: «Тут я и».

¹³¹ Петр Иванович Рябинин-Андреев.

¹³² Фраза вставлена. Вопреки утвердившемуся мнению, С. И. Бернштейн узнал о смерти Ивана Герасимовича еще по пути в Петрозаводск, о чем упоминалось выше со ссылкой на полевой дневник Бернштейна.

¹³³ См.: ФА ИРЛИ, к. 11, ФВ 703–712. Подробнее о работе с И. Г. Рябининым см. Подрезова С. В. Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна... С. 447.

¹³⁴ 20 июня Бернштейн записал на фонограф отрывки 7 былин, см.: ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 711–717.

¹³⁵ Иван Трофимович Рябинин (1844–1909?) – сын Трофима Григорьевича Рябинина, первый сказитель, голос которого был записан на фонограф (запись выполнена Ю. И. Блоком в 1894 г.). Иван Герасимович Рябинин-Андреев приходился И. Т. пасынком.

¹³⁶ Трофим Григорьевич Рябинин (1801–1885) – родоначальник династии сказителей Рябининых, род. в д. Гарницы Сенногубского погоста Олонецкой губ.

¹³⁷ Слово вставлено.

¹³⁸ Перед словом зачеркнуто: «мне».

ал и обещавшей передать мне его¹³⁹. К сожалению, не нахожу того, что мне интереснее всего, – сказок. Сейчас поедem за ними в лодке за 3 версты¹⁴⁰.

Попову я встретил в воскресенье на пароходе и высадил здесь. Иначе фонограф остался бы сиротой после моего отъезда, или же мне пришлось бы увезти его с собой в П<етер>б<ург>, и Поповой было бы нечего делать.

Крепко целую тебя. Передай поклон Сане.

Серезжа.

Источник: ОР РГБ, ф. 948, картон 76, д. 17, л. 33–35.

Отчет о работе в Прионежской экспедиции

Намечая план своей работы в экспедиции, я ставил себе и своей сотруднице две задачи: основную – собирание материалов для характеристики стилей народного сказывания – и побочную – собирание материалов по онежским говорам.

В качестве способа фиксирования материала была намечена фонографная запись, а для диалектологических наблюдений – также и запись на слух при помощи фонетической транскрипции. Эти задания нам удалось выполнить лишь в очень ограниченной степени, а частично на их место стали другие.

¹³⁹ Имеется в виду отец Василий Стефанович и его дочь Елизавета Васильевна Ржановские. Об о. Василии Стефановиче Ржановском и его большой семье оставили сведения участники московской группы фольклористов: «Зашли к священнику – 80-летнему старику о. Василию Ржановскому. Старик произвел оч<ень> приятное впечатление. Умный, вдумчивый, спокойный и радушный. Здесь и родился, здесь всю жизнь служил. Его отец тоже был здесь священником. У о. Василия двенадцать чел<овек> детей: шесть сыновей и шесть дочерей. Один из сыновей – преподаватель с<ель>хозинститута в Ленинграде, один – учителем в Повенце <...> О. Василий хорошо помнит и Рябининых, и Щеголенков. Называет их “классиками”, считает, что из современных сказителей никто не может к этим “классикам” сколько-нибудь приблизиться своим мастерством» (Письмо Ю. М. Соколова к Б. М. Соколову // Неизвестные материалы... С. 553). Интерес Елизаветы Васильевны Ржановской к собирательской работе столичных ученых не был случайным. По наблюдению С. М. Лойтер, примерно с 1918 г. Е. В. Ржановская занималась собиранием фольклора и ко времени приезда обеих экспедиций накопила серьезный материал по свадебному фольклору, игровым и хороводным и др. жанрам (несколько тетрадей с текстами былин, песен и причитаний, некоторые из них упоминает в экспедиционном дневнике Ю. М. Соколов), а позже (в 1927–1934) вела сбор материалов по детскому фольклору Заонежья (см. подробнее: Лойтер С. М. Экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и ее участница Е. В. Ржановская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1 (февраль). С. 61–66). По какой-то причине Е. В. Ржановская не передала свои записи С. И. Бернштейну, но щедро поделилась ими с Ю. М. Соколовым, вероятно, в надежде на то, что ее собрание будет опубликовано. Кроме того, она стала полноценным, хотя и неофициальным участником экспедиции «По следам Рыбникова». Записи Е. В. Ржановской увидели свет в издании «Онежские былины» (былины от П. Н. Филипповой), другие материалы спустя почти век вошли в издание: Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, науч. коммент., справ. аппарат В. А. Бахтиной; отв. ред. В. М. Гацук; подгот. к печати нотировок Т. С. Шенталинской; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2007. Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и сказочная проза. Творчество крестьян. М., 2011. Записи Ржановской перечислены в работе: Лойтер С. М. Экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых... С. 65.

¹⁴⁰ Вероятно, Бернштейн и Попова готовились отправиться в д. Конда, в которой Бернштейн работал 23 и 24 июня и где встретился с А. Б. Суриковым.

Первые же дни работы показали, что одновременное собирание сказочного материала в одном и том же районе двумя группами работников, преследующими различные цели, является делом почти неосуществимым. Поэтому я счел полезным отделиться от прочих участников экспедиции и, оставив их в Великой Губе, передвинуться несколько южнее – в Кижскую волость, избрав базой Сённую Губу. Здесь, в течение двух недель, работая сперва один, а затем в сотрудничестве с Т. В. Поповой, я сделал ряд записей. В этом районе обнаружилась, как, впрочем, и следовало ожидать а priori, прочная былинная традиция. В частности, я нашел здесь двух сказителей, дававших возможность определить эволюцию былинного текста, а отчасти и напева, при передаче из поколения в поколение. Это Петр Иванович Андреев-Рябинин в Гарницах – представитель знаменитого рода Рябининых – и Антон Борисович Суриков в Конде – сын покойной Домны Васильевны Суриковой, также неоднократно записанный исследователями в 60-х–80-х годах. Соблазнившись этим материалом, я записал полностью репертуар П. И. Рябинина (5 былин) и значительную часть репертуара А. Б. Сурикова (12 былин, исторических песен и духовных стихов и несколько песен, но репертуар его этим не ограничивается¹⁴¹), не зная, что через 2 недели после меня ту же работу повторит экспедиция проф<ессора> Ю. М. Соколова.

Тем самым я уклонился от своей прямой задачи – записи сказок. Сообщу краткие сведения об обоих сказителях и бытовании былин в Сённой Губе.

П. И. Андреев-Рябинин – молодой человек 21 года. Его отец Иван Герасимович Андреев-Рябинин, приемный сын Ивана Трофимовича Рябинина¹⁴², умерший в феврале текущего года, в 1921 г<оду> приезжал в Петроград. Тогда В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал текст его обширного былинного репертуара¹⁴³, а я сделал фонографные записи образцов его рецитации (8 валиков¹⁴⁴, хранящихся в Кабинете Изучения Художественной Речи при Г.И.И.И.). Петр Иванович перенял от отца 4 былины и одну от деда. Перенимать начал с 4-летнего возраста и уже в детстве пел былины своим домашним, сев в угол и от смущения накрывшись платком. Для того, чтобы запомнить былинку, ему достаточно было прослушать ее от одного до двух раз. Когда былина была заучена, он пел ее отцу, который либо поправлял его, либо, если поправок не требовалось, прослушав, сурово говорил: «Знаешь, так и спрашивать нечего». К своему искусству он относится сознательно и, по справедливому замечанию проф<ессора> Ю. М. Соколова, записывавшего его вскоре после меня, «эстетически» (см<отри> его статью в «Известиях ЦПК» от 5 сент<ября> 1926 г<ода>). Петр Иванович –

¹⁴¹ Последняя фраза, начиная со слов «и несколько песен...», вставлена сверху текста карандашом.

¹⁴² Вставлено.

¹⁴³ Тексты девяти былин, записанных Всеволодским с 3 по 7 марта в квартире ученого, хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ: р. V, к. 11, п. 1, ед. хр. 1–9.

¹⁴⁴ В настоящий момент 9 фоноваликов хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома и имеют соответствующие фондовые номера: ФА ИРЛИ, к. 11, ФВ 703–711.

вообще довольно развитой человек. Он охотно читает тексты, записанные от его деда и прадеда (к сожалению, эти записи известны ему только по хрестоматиям). Узнав, что я располагаю записями былин его отца, он очень интересовался, «подойдут ли его былины с папашей», и просьбу сообщить ему об этом повторил в недавно присланном мне письме. Сознательность, которая, может быть, поддерживается чтением былин по книгам, сказывается, между прочим, в том, что текст живет в его сознании и вне напева. Это чрезвычайно облегчило запись: мне удалось каждую былину сперва записать под его медленную диктовку (к которой способны далеко не все сказители), затем выправить текст под связное и не прерываемое пение и, наконец, записать образцы в фонограф (1–2 валика на каждую былину). Он даже выразил желание попробовать самостоятельно записать отрывок былины и, пока я чинил карандаши, вписал в мою тетрадь около 10 стихов, причем обнаружилось, что, следя за моей записью, он прекрасно усвоил мои приемы письменной передачи произношения. При сверке записанного под диктовку текста с текстом поющим различия наблюдаются только в частицах, союзах и других малознаменательных словах (а, да, й, да-й, же, веть, тут, есь, тавтологическое он и т<ому> п<одобное>), временах глагола (колебание между *praesens historicum*¹⁴⁵ и прошедшим временем несовершенного вида), уменьшительных именах (Добрыня веть или Добрынюшка) и, более всего – в орфоэпии – разговорной и не вполне устойчивой при диктовке и условной, строго традиционной при пении. Запоминание былины у него, насколько удалось проследить процессы вспоминания, опирается преимущественно на сюжетную сторону: в случае запоминания он ставил себе вопрос не о тех словах, которые следуют непосредственно за произнесенными, а вопрос: «Теперь о чем?» И на этот вопрос он часто отвечал, называя предстоящий эпизод описательно, озаглавливая его независимо от былинной фразеологии. Внутри эпизодов он сбивался редко. Сознательность сказителя обнаруживалась, между прочим, и в том, что при диктовке он избегал повторения того или иного из *loci communes*¹⁴⁶, уже встречавшихся в данной былине, и ограничивался указанием на повторение, причем точно отмечая, от каких и до каких слов повторяется текст. Твердо зная текст независимо от напева, он при диктовке нередко пропускал частицы и повторения слов, необходимые с точки зрения метра, и восстанавливал их только в пении. При таком развитии аналитической мысли, направленной не только на содержание былины, но и на ее композицию, трудно, конечно, ожидать от сказителя иного отношения к былине, кроме чисто эстетического. В историческую достоверность былин он не верит, но восхищается, «как в былине складно выходит». Нельзя не отметить, что такое повышение эстетической сознательности сказителя, связанное с духом анализа, таит в себе залог разложения былинного жанра. Разъединение текста и напева в сознании сказителя

¹⁴⁵ *Лат.* В языкознании и риторике – употребление формы настоящего времени при описании событий прошлого.

¹⁴⁶ *Лат.* Общее место.

служит достаточно определенным симптомом в этом смысле¹⁴⁷. На охранительную роль напева в былине мне еще придется указать в связи с характеристикой сказительского искусства А. Б. Сурикова. Что же касается Петра Ивановича Рябинина, то, умея выделить былинный текст, он в то же время прочно хранит в памяти напев, и в своем исполнении сочетает оба фактора в художественное единство, нерушимо¹⁴⁸ сохраняя своеобразие и чистоту жанра. Тексты его былин отличаются значительной полнотой. Достаточно указать, что былина «Добрыня Никитич в отъезде» в его рецитации содержит свыше 1000 стихов, и исполнение ее продолжается 3 часа 45 минут. Работы над сличением его текстов с текстами старших представителей его рода я не производил. Все же могу отметить подновения текста в виде замены некоторых устаревших слов созвучными более понятными. Так, в былине о Вольге и Микуле вместо 2-го стиха, который еще у Ивана Герасимовича поется

Жыл Святослоаф да преставился,

у Петра Ивановича находим

Жыл Святослаф да приоставился,

что в связи со следующим стихом

Оставалась у няво да й чадо й милаё

представляется не вполне сообразным со смыслом. Впрочем, такие случаи, какжется, редки: гораздо чаще Петр Иванович сохраняет непонятные ему слова, значение которых объяснить не умеет или осмысливает более или менее удачно. Приведу некоторые из его объяснений: «талыга подорожная – значит плеть или что называется»; «на балхоны – значит на крыльцо»; «мисы – значит мешок»; «тугий лук да стал поланывать – значит трещит»; «он силой не силен, так напúском смел – значит натурой». Что же касается его напевов, то они тождественны с напевами его отца и, по отзыву слушавших фонограммы музыковедов, представляют классический тип былинного напева.

В совершенно другом роде второй из слышанных мною сказителей – Антон Борисович Суриков, неграмотный¹⁴⁹ старик в 68 лет¹⁵⁰. Былины он знает от своей матушки Домны Васильевны. Впрочем, он был хорошо знаком и с Иваном

¹⁴⁷ Далее вычеркнут фрагмент: «Стиховая организация, лишившись опоры в напеве, рассыпается, а с ней улетучатся и (~~композиция~~) остальные факторы былинного стиля; в итоге былина превратится в прозаический рассказ – в побывальщину, художественная ценность которой ничтожна, или сказку».

¹⁴⁸ Слово вставлено сверху.

¹⁴⁹ Слово вставлено.

¹⁵⁰ Далее вычеркнуто: «неграмотный».

Трофимовичем Рябининым, который часто приезжал к нему на мельницу и, бывало, всю ночь, пока мука мелется, пел былины. Репертуар его несравненно¹⁵¹ богаче и разнообразнее, чем у Петра Ивановича Рябина, но тексты его былин часто значительно сокращены и напевы подновлены. Его рецитационная орфоэпия близка к разговорному диалектическому произношению старшего поколения: у него¹⁵², кроме оканья, наблюдается систематическое цоканье и неслоговое ў на месте этимологического *л* в конечном положении и перед согласным. У него не найдем и намека на сознательность, какая наблюдается у Петра Ивановича. Отношение к былине носит у него более непосредственный характер. Текст былины он с трудом отделяет от напева, и диктовка представляет для него непосильную задачу: диктуя, он скоро сбивается на пересказ и заканчивает откровенным предложением: «Лучше я тебе прѣдмет расскажу» (т<о> е<сть> изложу содержание). Излагая «прѣдмет», он быстро покидает былинную фразеологию – особенно характерен в этом отношении глагол «объясниў» для введения чужой речи вместо обычного «говорил», «говорит»¹⁵³. Однако¹⁵⁴ в тех случаях, когда Антон Борисович рассказывает содержание былины прозой, не приходится говорить о преобразовании былины в побывальщину: прозаическое изложение для него – не художественное произведение, подобное сказке, а суррогат, вынужденный ответ на требование собирателя говорить медленнее; он знает, что прозаическим пересказом портит вещь. Я уже указал, что текст былины не существует для него вне напева – единственным исключением является духовный стих о сотворении мира¹⁵⁵, который он не поет, а сказывает – строго-размеренно, не выходя за пределы традиционного стиля: он так и «понял» (т<о> е<сть> перенял) его без напева. Нельзя сказать того же о содержании былины: мало того, что он умеет подробно пересказать его прозой – он вдумывается в содержание и даже подвергает его сравнительному анализу: пропев стих об Алексее человеке Божиим¹⁵⁶, он сделал подробный обзор сюжетных¹⁵⁷ отклонений стиха от жития по Патерику, воспринятого им, неграмотным человеком, исключительно на слух, – недаром Евфимиан фигурирует в его рецитации под именем Ефима Яного. Указывая, что так пишется, а поется иначе, он говорил об этом в тоне защиты «былины» от упрека в неточности: право поэтического произведения на известную вольность в изложении¹⁵⁸ исторических событий для него, по-видимому, вне сомнения. Таким образом, и его подход к былине приходится определить как эстетический, но его эстетическое чувство чуждо всякой рефлексии:

¹⁵¹ Вместо вычеркнутого: «гораздо».

¹⁵² Далее вычеркнуто: «найдем».

¹⁵³ Далее вычеркнут фрагмент: «Духовный стих о сотворении мира он не поет, а сказывает, но исполнение его носит строго не выходит за пределы традиционного стиля».

¹⁵⁴ Далее вычеркнуто: «ни в этом случае, ни».

¹⁵⁵ См.: ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 736.

¹⁵⁶ ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 739.

¹⁵⁷ Слово вставлено.

¹⁵⁸ Далее вычеркнуто: «поэтических».

размышлять о былине он может¹⁵⁹ только в плоскости¹⁶⁰ фактического содержания. Его анализ не идет дальше способности пользоваться в разговоре былинными выражениями как цитатами, украшающими речь. Так, отказываясь спеть нам былинку о Ермаке, он с лукавой¹⁶¹ улыбкой просил хоть одну былинку «оставить ему на сѣмена» и дважды повторил эту формулу, желая подчеркнуть цитату.

Указанные особенности сказителя обусловили способ записи: целый ряд былин в его рецитации мы записали целиком в фонограф¹⁶², не полагаясь на запись под диктовку, – тем более что резкое расхождение между продиктованным и пропетым текстом, с одной стороны, и относительно быстрый темп исполнения, с другой, делали правку текста невозможной. В результате такого способа записи, в связи с обширностью репертуара, Суриков представлен в нашем фонографическом собрании 23 валиками¹⁶³, тогда как для Рябинина оказалось достаточно семи¹⁶⁴.

Нельзя не пожалеть о том, что, вследствие слабости голоса сказителя¹⁶⁵, некоторая часть записей останется нерасшифрованной. Впрочем, возможно, что тут принесут помощь записи, сделанные экспедицией проф<ессора> Соколова – конечно, после их опубликования¹⁶⁶.

Кроме репертуара Рябинина и Сурикова, мы располагаем еще пятью валиками с записями духовных стихов из Сѣнной Губы, сделанными Т. В. Поповой¹⁶⁷.

Теперь скажу несколько слов о бытовании былевого эпоса. Былины, как видно из предыдущего изложения, – не такая уж редкость в Сенногубском районе. Но, тем не менее, былевой эпос и здесь вымирает. О вымирании его свидетельствует

¹⁵⁹ Далее вычеркнуто: «способен».

¹⁶⁰ Далее зачеркнуто: «в плане».

¹⁶¹ Далее зачеркнуто: «хитрой».

¹⁶² См., напр., былины «Дунай Иванович» (ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 732–735), «Василий Буслаевич» (ФВ 727.02–731.01), исторические песни «Кострюк» (ФВ 726.02–727.01) и «Гришка-расстрижка» (ФВ 725–726.01), а также духовный стих «Егорий и Змей» (ФВ 746–747).

¹⁶³ ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 725–747.

¹⁶⁴ ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 711–717.

¹⁶⁵ Вставлено вместо вычеркнутого «исполнителя».

¹⁶⁶ Ю. М. Соколов и его сотрудники записали от А. Б. Сурикова, по-видимому, меньшее, чем С. И. Бернштейн, количество былин. В письме Юрия Михайловича к брату прослеживается не только его большая осведомленность о находках Бернштейна, но и ревностное отношение к работе ленинградского коллеги: «Боялся я, что ленинградцы нам испортят работу, все переписут и на бумагу, и на валики. Но потом успокоился. Бернштейн<н> от Зиновьевой записал всего полторы былины, а мы десять. От Сурикова, правда, Бернштейн записал штук пятнадцать, но не всё на бумагу, б<ольшей> ч<астью> лишь в фонограф. Некот<орые> былины целиком, а иные только начала. Интересовался он, по-в<идимому>, только техникой устной речи – интонацией, мелодикой, ритмом. Боюсь только, что они – ленинградцы – раньше нас напечатают, хотя, м<ожет> б<ыть>, это будет и лучше. Нам можно будет избежать ошибок, которые они вдруг допустят» (Письмо Ю. М. Соколова к Б. М. Соколову от 5 июля 1926 г. // Неизвестные материалы... С. 556).

¹⁶⁷ Вероятно, Бернштейн имеет в виду фонозаписи, выполненные Т. В. Поповой от сказительницы Анны Кузьминичны Лучиной, 68 лет, 26 и 27 июня. В коллекции Бернштейна сохранилось только три валика: ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 756–758.

упадок интереса слушателей к этому роду художественных произведений. По словам П. И. Рябинина, за последние годы его отец всего 2–3 раза пел на беседах по просьбе односельчан, и среди былин, которые Петр Иванович «понял» от отца, есть такие, которые он слышал всего один раз. Антон Борисович с горечью упрекал слушателей, набившихся в горницу во время фонографной записи, в том, что они не приглашают его петь на беседах. Петру Ивановичу пришлось недавно выступить с исполнением¹⁶⁸ былин на вечере в школе, но такие выступления возбуждают в слушателях – преимущественно молодежи – скорее историко-этнографический, чем непосредственно – художественный интерес, и теперь уже крестьянин должен обладать большой художественной чуткостью, чтобы, подобно сказителям, переживать былины как эстетическую ценность. Это впечатление подтвердилось и во время наших записей: слушателей всегда бывало много – человек до 40–50; случалось, что за день посещали наши сеансы до 100 человек; приходили не только из Гарниц и Конды – собирались из окрестных деревень. Но, если женщины и слушали всерьез, то большинство – молодежь и взрослые мужчины – делили внимание между сказителем и фонографом, менее всего интересуясь самой былиной. Многие из них слушали былины в первый раз. Характерен разговор двух молодых людей, подслушанный Петром Ивановичем (он относится к записи, оказавшейся неудачной в двух отношениях и сейчас же дублированной: сказитель дважды запнулся на протяжении одного валика, а самый валик был слишком тверд, а потому запись получилась недостаточно громкая):

– Хорош Петка! Тоже берется петь, а сам не помнит.

– Да и другого нельзя похвалить: дрянные валики привозит в провинцию.

Редко приходится слышать о случаях оживания былин. Не говорю о том, что в семье Рябининых «былины» пользуются большим уважением – это семейная традиция, связанная с памятью о трех ушедших поколениях. Вот более показательный факт: во время Гражданской войны, «когда мужики были на фронте», бабы однажды попросили Петра Ивановича¹⁶⁹ спеть¹⁷⁰ о прощании Добрыни с матерью и женой и «вóяли», слушая былинку. Но это исключительный случай. В общем же, надо признать, что и в Сённой Губе¹⁷¹ интерес к героическому эпосу умер. Сказки возбуждают более живой интерес, но и они не выдерживают сравнения с песней: песня, не исключая и «досюльной», продолжает служить для крестьянина и, особенно, для крестьянки неиссякаемым источником и художественных эмоций, и внеэстетических переживаний.

Возвращаюсь к основной задаче нашей группы – к фонографной записи сказок. Разрешение ее выпало всецело на долю Т. В. Поповой, продолжавшей работу в течение двух недель после моего возвращения в Ленинград. Сперва она

¹⁶⁸ Вместо вычеркнутого: «что пением».

¹⁶⁹ Стоит заметить, что П. И. Рябину на тот момент было 13–17 лет.

¹⁷⁰ Далее вычеркнуто: «былины».

¹⁷¹ Фраза вставлена.

продолжала собирание материала в Сённой Губе, затем присоединилась к экспедиции и вместе с ней посетила Космозерский и Шуныгский районы, производя фонографные¹⁷² записи. К сожалению, к¹⁷³ этому времени довольно остро стала сказываться нехватка валиков, и потому целый ряд встреченных ею интересных сказочников остался не записанным. Всё же ей удалось записать 16 валиков с 18 образцами¹⁷⁴. Эти записи дают некоторый материал для характеристики стилей народного сказыванья, хотя и значительно менее богатый, чем мы ожидали, отправляясь в экспедицию. Причины этой неудачи лежат в стечении указанных неблагоприятных обстоятельств: в несовместимости нашей работы с работой Словесной секции, в моем непредвиденном и внепрограммном увлечении былинами и в недостаточном количестве валиков. Кроме того, мне кажется, что¹⁷⁵ фонографное собирание словесного материала вообще с трудом уместится в рамки работы экспедиции, довольно быстро переключивающейся с места на место: дело в том, что фонографная запись, давая¹⁷⁶ много ценного материала, не содержащегося в записи¹⁷⁷ письменной, вместе с тем не заменяет ее¹⁷⁸, вследствие недостаточного¹⁷⁹ совершенства¹⁸⁰ аппарата и низкого качества валиков¹⁸¹. Поэтому целесообразно всякую вещь, записываемую¹⁸² в фонограф, записывать также и графически. Двойная запись, естественно, требует значительной затраты времени, и осуществить ее¹⁸³ при слишком частых переездах с места на место¹⁸⁴ невозможно. Мне приходится¹⁸⁵ пожалеть о том, что я в свое время не проявил достаточной настойчивости в ознакомлении с планом работ и организацией экспедиции. При бо́льшей осведомленности в этих вопросах я бы мог заранее¹⁸⁶ предусмотреть возникшие впоследствии¹⁸⁷ осложнения и проявить должное благоразумие, отказавшись от участия в этом научном предприятии. Тем самым было бы предупреждено и возникшее вследствие моего отъезда в Кижскую волость нарушение общего плана экспедиции, который сводится к всестороннему обследованию одного определенного района. Во всяком случае, для меня очевидно, что в следующей экспедиции особой фонографической

¹⁷² Вместо вычеркнутого: «фонографические».

¹⁷³ Перед словом вычеркнут фрагмент: «во вторую половину экс<педиции>».

¹⁷⁴ ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 758–773, 794, 796.

¹⁷⁵ Далее вычеркнуто слово «работа».

¹⁷⁶ Перед словом вычеркнуто «вследствие».

¹⁷⁷ Далее вычеркнуто: «графиче<ской>».

¹⁷⁸ Фраза вставлена.

¹⁷⁹ Слово вставлено.

¹⁸⁰ В первоначальной версии – «вследствие несовершенства».

¹⁸¹ Далее вычеркнуто: «не заменяет».

¹⁸² Изначально – «записанную».

¹⁸³ Вставлено вместо вычеркнутого: «которое».

¹⁸⁴ Далее вычеркнуто: «осуществить».

¹⁸⁵ Вместо вычеркнутого: «остается».

¹⁸⁶ Вместо вычеркнутого: «проявить».

¹⁸⁷ Слово вставлено.

группе не должно быть места¹⁸⁸. Каждая секция, которой по роду собираемого материала может быть полезен фонограф, должна делать фонографные записи в связи с общим планом своей работы.

Что касается собирания диалектологического материала, то здесь дело обстоит более или менее благополучно, так как мы ставили себе в этой области самые скромные задачи. А ргоіг было очевидно, что стремиться к сколько-нибудь исчерпывающему описанию говоров при постоянном передвижении, хотя бы и в пределах ограниченного района, и располагая всего месяцем времени, к тому же поделенному между двумя собирателями, – значило бы ставить себе невыполнимое задание. Поэтому мы ограничились отрывочными наблюдениями, материал которых содержится в фонографных записях Т. В. Поповой и в наших транскрипционных заметках (свыше 2000 примеров). Наблюдения наши касаются почти исключительно фонетической стороны говоров. Наиболее интересные наблюдения удалось сделать в области акцентологии, а также по вопросам о среднеязычных согласных и о выпадении согласных в интервокальном положении.

Скажу два слова об отношении крестьян к фонографу. Они с интересом следили за процессом¹⁸⁹ фонографной записи, с еще большим интересом слушали механическое воспроизведение только что слышанного голоса, но относились к аппарату критически и отмечали несходство воспроизводимого им тембра с тембром живого голоса. Обладая знакомством с граммофоном, они не проявляли ни малейшего изумления по адресу машины, и замечаний, подобных тем, какие встречаются среди зафиксированных 25 лет тому назад Е. Э. Линёвой, мне слышать не приходилось. Не¹⁹⁰ пришлось также встречаться¹⁹¹ с подозрениями в дьявольском наваждении. Только раз Т. В. Попова натолкнулась на решительный отказ старой женщины петь в фонограф: она заявила, что ей умирать пора, и отсюда умозаключила, что ей петь в машину¹⁹² грех. В Гарницах молодежь проявила настолько живой чисто научный интерес к механическому воспроизведению звука, что мне пришлось прочесть популярную лекцию по акустике для того, чтобы удовлетворить¹⁹³ любознательность слушателей. Не раз меня спрашивали, переведу ли я свои записи на граммофон. Сказители, сказочники и певцы, по-видимому, испытывали удовольствие при мысли, что их голоса будут отвезены в Ленинград, и там их будут слушать. Популярная в Кижской волости «вопленица» Мавра Петровна Папина, певшая в фонограф¹⁹⁴ свадебные причити¹⁹⁵, несколько раз переспросила меня, записал ли я ее имя.

В заключение с благодарностью отмечу, что в нашей работе в Сенногубском районе мы встретили ценную поддержку в лице местного священника Василия

¹⁸⁸ Далее вычеркнут фрагмент: «фонографом должны пользоваться все секции экспедиции».

¹⁸⁹ Далее зачеркнуто слово «записи».

¹⁹⁰ Перед словом вычеркнуто: «Только».

¹⁹¹ Первоначально было: «встретиться».

¹⁹² Первоначально было написано: «в фонограф».

¹⁹³ Далее вычеркнуто: «их».

¹⁹⁴ Вместо вычеркнутого: «мне».

¹⁹⁵ Бернштейн записал от нее 6 образцов причитаний, см.: ФА ИРЛИ, к. 12, ФВ 795.

Ржановского и его семьи – главным образом, его дочери Елизаветы Васильевны. Хорошо зная местную старину, он указал нам ряд лиц, у которых мы могли получить интересующий нас материал, и, пользуясь его именем, мы неизменно встречали у крестьян самый радушный прием и полное доверие.

16 сент<ября> 1926 г<ода>

*Источник: ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 1, л. 1–34.
Автограф С. И. Бернштейна с множественной правкой.*

Список записей по районам:

Сенная Губа:

Диалектолог<ические> прим<еры> (отдельные слова и выражения) 185.

Сказки: 3 (Про водяного царя, Про золотую гору, Зверь лесной, Чудо морское (Ал<енький> цвет<ок>).

Детские считалки, песни, частушки, прибаутки.

Конда:

Диалект<ологические> прим<еры> 12.

4 былины (О Добр<ыне> Никитиче, Вольге Святославовне, Ставре Годиновиче, Илье Муромце).

1 дух<овный> стих (Про Егория и змея).

Считалки, заговор на призёр.

Косозеро:

Диалект<ологические> прим<еры> 288.

Сказка 1 (Про волка и лису).

Для Лито былины, сказки (не целиком).

Великая Нива:

Диалект<ологические> прим<еры> 62.

3 сказки (Про попа, Про бурлака и купеческую дочку, Про брата, сестру и злую невестку).

Фойма-Губа:

Диалект<ологические> прим<еры> 10.

Шуньга:

Диалект<ологические> прим<еры> 200.

Сказок 4, (Про попа и работника, Про царя самоеда, Про двух братьев, Про трех братьев. 6 бывальщин).

4 дух<овных> стиха (Стих о мучениях Егория (не весь), Об Алексее Человеке Божиим, О Егории и змее, О двух Лазарях).

Песни («Тимба»), считалки.

Петрозаводск:

Для Лито, целиком. Песни.

Отдельные выражения, выхваченные из сказок.

*Источник: ОР РГБ, ф. 948, картон 3, ед. хр. 1, л. 35–35 об.
Автограф Т. В. Поповой*

[Фонетические особенности речи заонежан]

- 1) Перенос ударения на первый слог. (Не обязательно, иногда и наоборот).
- 2) Необычайная закрытость o в большинстве случаев. (Чорт его знает, почему).
- 3) Очень узкое e в некоторых словах. (Отчего – неизвестно).
- 4) Появление в редких случаях неопишемого среднеязычного в начале некоторых слов перед гласным, и в середине – между двумя гласными. (Вместо j, как будто бы).
- 5) Цоканье, к сожалению, совсем не обязательное. Часто встречается ч, или золотая, трудно произносимая середина между ц и ч.
- 6) Фрикативное з (γ) тоже не обязательное, но преобладающее. (При продолжительном вслушивании мерещится что-то среднее между взрывным и фрикативным – следствие перемудрения).
- 7) Преобладание ц мягкого. (Мягко режущего ухо непривычно).
- 8) Второстепенных ударений, как это ни жаль, незаметно. (Даже при некоторой работе воображения).
- 9) Вопрос о редукции гласных остается открытым.
- 10) Замена л посредством у, как на конце слов, так и в середине.
- 11) (Удлинение послеударного слога и укорочение ударного).
- 12) в иногда приближается к w.

Источник: ОР РГБ, ф. 948, картон. 3, ед. хр. 1, л. 36.

Автограф Т. В. Поповой

<Без названия>

¹⁹⁷Традиционное музыкально-поэтическое¹⁹⁸ искусство Заонежья изучается уже в течение 100 лет. Характерной чертой исследования Заонежья является неравномерная изученность разных жанров местной традиции.

Былины Заонежья были не только открыты в 1860<-e> годы, но и повсеместно тщательно изучены П. Н. Рыбниковым и в 1973 г<оду> некоторые были¹⁹⁹ <изучены> А. Ф. Гильфердингом.

Это был первый опыт изучения былин в живой традиции жанра, который казался наиболее древним явлением русского эпоса, пришедшим из седой старины. Заонежские былины вошли в фольклористическую литературу как классические образцы русского эпического искусства. Что касается заонежских песен, то их напевы стали известны только после их публикации в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша в 1894 году и в совсем ином контексте.

¹⁹⁶ Фамилия вставлена карандашом рукой С. И. Бернштейна.

¹⁹⁷ Над текстом карандашом вписано: «Гиппиус Е. В.».

¹⁹⁸ Слово вставлено сверху чернилами.

¹⁹⁹ Фраза вставлена синей шариковой ручкой.

Экспедиция Истомина-Дютша была отправлена не в Заонежье, а более широко на север²⁰⁰. Она²⁰¹ ставила задачу охватить большую территорию севернорусских земель, на которой Заонежье составляет лишь небольшую часть.

И первая экспедиция, организованная Песенной комиссией (1886 год), и вторая экспедиция (1893 год) ставили своей задачей записать как можно больше материала. В результате обе экспедиции не дали ничего толкового. Записанные ими материалы создают спорное впечатление не только вследствие беглости записей, но также вследствие официального характера их организации принятой ими и практики быстрых наездов в деревню на небольшой срок.

Записанный материал поразил новизной и необычностью по сравнению со Средней и Западной Россией.

Деятели Песенной комиссии старались доказать вторичность песенной традиции Заонежья по отношению к его эпической традиции. Если замысел экспедиции нес в себе научную тенденцию, то ее практика (методика) оказалась любительской. Не говоря уже о заведомой неполноте отражения местной песенной традиции в записях Истомина-Дютша, собиратели допускали раздельную запись поэтического текста и напева песен, отвергнутую современной им фольклористикой. Т<аким> о<бразом>, в целом заонежская часть их записей представления о местной традиции не дает.

Второй опыт записи заонежских песен был опытом совсем иного типа. Петрозаводский купец В. Д. Лысанов, один из немногих местных старожилов, увлеченный записью народных песен и обычаев, изложил в драматической форме (в виду пьесы) обряд заонежской свадьбы с приложением напевов и поэтических текстов песен, которые записал с его голоса А. П. Максимов²⁰². Это описание – «Досюльная свадьба» – сыграло в русской фольклористике две роли. Прежде всего, это вторая по времени публикация заонежского песенного фольклора.

Деятели Песенной комиссии <Н. И.> Привалов и Н. <Ф.> Финдейзен знали о существовании сборника, но считали, что <он> не имеет научного значения.

В 1920 году Всеволожский случайно открыл эту книгу для себя. Он увлекся идеей инсценировать крестьянскую свадьбу по Лысанову и осуществил вскоре это намерение в Городской думе²⁰³.

Таким образом, в дореволюционной фольклористике материалы заонежской песенной традиции имеют случайный вид.

²⁰⁰ Фраза вставлена черной шариковой ручкой вместо вычеркнутого. Первоначальный вариант: «и на севере вообще».

²⁰¹ Слово вставлено черной шариковой ручкой.

²⁰² Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии / Собр. и излож. в драм. форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1916.

²⁰³ Спектакль «Обряд русской народной свадьбы», о котором идет речь, был поставлен Всеволодским-Гернгроссом по собственному сценарию несколькими годами позже – в 1924 г. в Государственном экспериментальном театре (ГЭТ), существовавшем при ИЖС. Спектакль получил критическую оценку, но вызвал большой интерес «как первая попытка дать строгую и научно обоснованную сценическую иллюстрацию свадебного обряда» (см. отзыв о постановке, опубликованный в «Правде» (1924, 27 марта), опубликовано: *Марков П. А.* О театре. М., 1976. Т. 3: Дневник театрального критика. С. 180–181).

После революции Заонежье становится одним из объектов пристального внимания. В 1925 году Б. В. Асафьев прочел в Институте истории искусств доклад о своем путешествии по Заонежью²⁰⁴.

В своих ежегодных путешествиях он накапливал наблюдения над живой интонацией, над популярностью интонации в народе. Попутно для него становилась ясной необходимость фиксации всего звучащего в народной среде. Его увлечение Заонежьем разделили и встреченные им в Космозере В. В. Эвальд и его дочь З. В. Эвальд. З <инаиду> В <икторовну> Заонежье привлекло как яхтсмена²⁰⁵. Впечатления местного от песенного искусства – очень эмоциональные, непосредственные, явились неожиданно и как бы попутно.

В своем докладе Институту Асафьев настойчиво доказывал необходимость немедленной организации собирательской работы в Заонежье с охватом всех областей местной художественной традиции.

Созданная вскоре Социологическая комиссия²⁰⁶ разработала комплексный метод изучения местной традиции и сформировала состав первой комплексной экспедиции, в которую вошли <К. К.> Романов – <Б. В.> Казанский. Асафьев поручил З. В. Эвальд запись напевов и внезапно, за три дня до выезда, предложил принять участие в экспедиции Е. В. Гиппиусу²⁰⁷. До этого момента у последнего был только один опыт записи народных немецких песен, которые

²⁰⁴ Текст доклада (в виде докладной записки), прочитанного Б. В. Асафьевым 25 сентября 1925 г., в котором он красочно рассказывал о своей рекогносцировочной поездке по Прионежью и предлагал подробную программу по изучению народной музыкальной культуры, был опубликован в брошюре: Крестьянское искусство Севера: Об искусствоведческой экспедиции. 1926. С. 10–18.

²⁰⁵ Эту деталь биографии ученых Е. В. Гиппиус обнаружил в предисловии к собранию «Песни белорусского Полесья»: «В селе Космозеро, лежащем на середине пути из Шуныги в Великую Губу, он встретился с З. Эвальд и ее отцом, которые, не зная о поездке Б. Асафьева, отправились в те же места и прошли пешком Шуныгинский полуостров в обратном направлении – от Великой Губы до Шуныги» (*Гиппиус Е. В.* З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под. ред. Е. В. Гиппиуса; сост и текстол. подг. текста к печати З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринблата. М., 1979. С. 11).

²⁰⁶ Вероятно, имеется в виду Секция изучения крестьянского искусства русского Севера, организованная при Социологическом комитете ГИИИ осенью 1925 г. (иногда называется начало 1925/1926 г.).

²⁰⁷ Это подтверждается и другими документами. 2 июня 1926 г. Асафьев пишет А. В. Финагину о своем разговоре с Р. И. Грубером и о своей рекомендации Гиппиуса для участия в экспедиции (Материалы к биографии Б. Асафьева / [Сост., вступит. статья и коммент. А. Н. Крюкова]. М., 1981. С. 120; полный текст письма см. в сноске ниже). Там же, в сноске, он упоминает, что уже переговоры об этом с Гиппиусом. Таким образом, Гиппиус получил предложение принять участие в Заонежской экспедиции чуть раньше – за 9 дней до ее официального начала. М. А. Лобанов установил, что идея привлечь Е. В. Гиппиуса к работе в экспедиции принадлежала В. М. Жирмунскому (хотя интерпретировал эти данные иначе), см. опубликованный им фрагмент «Отчета о работе по теории и истории музыки за 1926 год, подготовленного А. В. Финагиным: «Я искренне должен был благодарить окончившую наши курсы З. В. Эвальд, согласившуюся ехать в Заонежье, и рекомендованного В. М. Жирмунским бывшего нашего сотрудника Е. В. Гиппиуса, сознавая при этом всю неподготовленность всех нас троих» (ЦГАЛИ, ф. 82, п. 3, ед. хр. 1, л. 65, цит. по: Лобанов М. А. Заонежская экспедиция... С. 21–21).

были записаны по просьбе <В.> М. Жирмунского²⁰⁸. Музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд оказались связанными с литературоведческой секцией. Ее членами были Н. П. Колпакова, ученица <В. П.> Адриановой-Перетц²⁰⁹, и учитель по профессии А. М. Астахова.

Как сложился метод экспедиции? Институт предложил участникам экспедиции ориентироваться на метод, разработанный Ю. и М. Соколовыми в процессе изучения народных традиций Белозерского края²¹⁰. Однако в центре внимания Соколовых были былины и сказки. На этом и основывались их рекомендации. Песенное искусство они не изучали, в его оценках руководствовались только общими впечатлениями²¹¹. В работе группы филолог-музыковед (Эвальд работала с Астаховой, Гиппиус – с Колпаковой) сразу стало понятно, что

²⁰⁸ Те же сведения Е. В. Гиппиус приводил в своей автобиографии: «в 1925 – записывал совместно с проф. В. М. Жирмунским песни немецких колонистов Ленингр. обл» (РНММ, ф. 450, ед. хр. 3200, л. 1). Более подробные данные о скромном собирательском опыте Е. В. Гиппиуса можно почерпнуть из письма-рекомендации Асафьева А. В. Финагину:

2 VI 1926.

Дорогой Алексей Васильевич!

Сегодня в разговоре с Р<оманом> Ил<ычком> я упомянул имя Гиппиуса как кандидата на поездку на Север. Основания: практика с Жирмунским (песни нем<ецких> колонистов); общая муз<ыкальная> и специальная подготовка для данного дела; сейчас записывает в консерватории северные песни от студентки-крестьянки Олон<ецкой> или Архангельской губернии; подготовка в области литературы и словесности; хороший человек – без интриг; свободен и может ехать*; мое ручательство. Этот год отлично работал в консерватории и подготовил работу для института, с которым никогда не хотел порывать, а только не мог временно работать.

Сердечный привет.

Ваш Б. Асафьев

*и я с ним после беседы с Р<оманом> И<льичом> говорил (Материалы к биографии Б. В. Асафьева... С. 120).

²⁰⁹ Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) – литературовед, специалист в области исследования древнерусской сатиры, фольклора, поэзии, религиозных преданий XI–XVII вв. С 1921 по 1924 г. Н. П. Колпакова была студенткой Высших курсов искусствознания ГИИИ, где преподавала В. П. Адрианова-Перетц.

²¹⁰ Имеются в виду две знаменитые поездки Ю. М. и Б. М. Соколовых в Белозерский уезд Новгородской губ., предпринятые ими летом 1908 и летом 1909 гг. Экспедиция финансировалась Московским археологическим обществом и должна была стать частью многостороннего исследования, включая археологические раскопки, обследование церквей, изучение иконописи и старинных рукописей на территории Новгородской губ. Собиратели решали две основные достаточно широкие задачи: поиск следов эпической традиции и запись по возможности всего фольклорного репертуара Новгородского края (подробнее об этой поездке см.: *Соколовы Б. и Ю. Живая старина в Белозерском крае: Отчет о командировке 1909 г.* // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Т. 1. С. 1–20; *Иванова Т. Г. Б. М. и Ю. М. Соколовы (Миллеровское крыло «исторической школы»)* // Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. И. Андерсон, Д. К. Зеленин, И. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 65–74).

²¹¹ Это замечание не вполне справедливо. По результатам новгородских экспедиций, как известно, было опубликовано собрание: *Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915*, куда вошли не только словесные, но и музыкальные жанры фольклора – свадебные, хороводные, лирические песни и др. Материал был систематизирован по жанрам и тематике. Остается предположить, что автор эссе имел в виду изучение музыкальной традиции белозерского фольклора и особенностей певческой культуры.

методика работы разных специалистов должна быть разной. Нужно было найти методику для музыкальной записи, опирающуюся на метод Асафьева. Заонежские записи и стали началом поиска этого метода.

Ориентация на разные жанры, на разные методы стала характерной чертой работы экспедиции. Руководитель музыкальной секции <А. В.> Финагин поручил Гиппиусу и Эвальд записать интересующие его напевы романсов. Эту работу взял на себя отец З. В. Эвальд – В. В. Эвальд, архитектор по образованию, прекрасный музыкант, скрипач и композитор. Он записал и передал Финагину около 250 мелодий романсов. Эти материалы стали впоследствии основой для довольно спорной статьи Финагина²¹².

А. М. Астахова записывала в основном поэтические тексты былин; Никифоров и Карнаухова записывали сказки, причем Карнаухову они интересовали не как исследователя, актера, а как рассказчика. Н. П. Колпакова заинтересовалась романсами как самым популярным жанром.

Гиппиус и Эвальд решили записать «досюльную» песенную классику как самое интересное в художественном отношении. Они записали практически небольшое количество «досюльных» и поздних песен, интересных с точки зрения индивидуального интонирования. Мастером индивидуального типа оказалось немного.

Пестрота – программа экспедиции. Для Гиппиуса и Эвальд это была репетиция. Когда они стали ездить по Северу, только тогда стало ясно, какое специфическое, ни на что не похожее явление – песенная традиция Заонежья. Отдаленное родство с ней ощущается в песнях р. Онеги. Поэтому Е. В. Гиппиус с большим интересом познакомился²¹³ с материалами экспедиций в Пудож – соседние с Заонежьем земли восточного Обонежья. В обработке этих материалов, выполненных составителем сборника «Песни карельского края»²¹⁴ под руководством Гиппиуса, впервые по отношению к традициям этого региона был применен метод аналитической редакции и аналитической графики, разработанный проф<ессором> Гиппиусом много лет спустя после экспедиции в Заонежье. Теперь этот метод использован и непосредственно в работе над заонежским материалом.

Что касается записей 1926 года, то они были сделаны по методике <Э. М.> Хорнбостеля²¹⁵, так, как учили студентов Института истории искусств.

²¹² См.: *Финагин А. В.* К вопросу о взаимоотношении художественной и бытовой песни (По материалам Заонежской экспедиции) // *De musica: Временник Отдела теории и истории музыки. Л., 1927.* Вып. 3. С. 62–69.

²¹³ Слово вставлено (напечатано) сверху вместо первоначального: «отнесся к».

²¹⁴ *Песни Карельского края: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд.: С примеч. / Сост. и авт. вступит. статьи Т. В. Краснопольская; общ. ред. Б. М. Добровольского; эквиритм. пер. поэт. текстов карельск. и фин. песен выполн. Л. Блюдником и Б. М. Добровольским; пер. поэт. текстов карельск. причитаний и ред. карельск. текстов А. С. Степановой; нотирование карельск. причитаний выполн. А. Г. Гомон. Петрозаводск: Карелия, 1977.* Степень участия Е. В. Гиппиуса в этом собрании нам неизвестна.

²¹⁵ Эрих Мориц фон Хорнбостель (1877–1935) – австрийский этномузыковед, один из основателей музыкальной этнографии, инструментовед, соавтор систематической классификации ин-

Экспедиция писала, как слышится: все подряд, без тактовой черты, свободно, не ставя перед собой аналитических задач²¹⁶.

Метод, принятый в данной работе, разработан Гиппиусом в период чтения курса фольклора в Московской консерватории в 1945–1948 годах. С точки зрения этого метода интересно осознать ранний опыт, тем более что группа наиболее характерных для Заонежья напевов очень индивидуальна, отличается свободной импровизационностью. На их основании можно ставить вопрос о местной традиции как явлении смешанном.

*Источник: РНММ, ф. 450 (Е. В. Гиппиус), ед. хр. 3326
Машинопись [после 1977]*

Письмо дирекции ГИИИ С. И. Бернштейну

РС.Ф.С.Р.

НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ
----ПО---
ПРОСВЕЩЕНИЮ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСКУССТВ.
«5» октября 1927 г.
№ 2816
ЛЕНИНГРАД
Площадь Воровского, д. № 3
Тел. 173-00

Председателю Комиссии звучащей речи
и Заведующему Кабинетом изучения Худо-
жественной Речи ЛИТО ГИИИ, Действи-
тельному Члену С. И. БЕРНШТЕЙНУ

Правление ГИИИ, в заседании 30 сен-
тября 1927 г., выслушав доклад Ученого
Секретаря Института А. В. ФИНАГИНА
о необходимости объединения фонографи-
ческих материалов хотя бы МУЗО и ЛИТО
в одном учреждении, под наименованием
«Единого Фонограмм-Архива ГИИИ», по-
становило: ввиду присоединения к этому
предложению Председателя Социологиче-
ского Комитета Я. А. НАЗАРЕНКО и пред-
седателя ТЕО А. А. ГВОЗДЕВА, учредить

в составе общеинститутских учреждений «Центральный фонографический Ар-
хив ГИИИ», возложив обязанности заведующего этим архивом на Вас, и про-
сить Вас представить на утверждение Правления ГИИИ проект положения
о названном Архиве, исходя из пунктов постановлений, принятых комиссией
ЛИТО и МУЗО в заседании от 14 октября 1926 г. (см. протокол совещания
представителей МУЗО и ЛИТО ГИИИ от 14 октября 1926 г. по вопросу о сли-
янии фонограмм организаций названных двух отделов).

струментов (Хорнбостеля – Закса), принятой во многих странах, композитор, пианист, основатель
сравнительного музыкознания. С 1905 по 1933 г. был директором Берлинского фонограммархива.

²¹⁶ Описанным способом выполнены некоторые расшифровки с фонографических записей,
представленные в Приложении к изданию Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера...
№ 1, 2, 5, 6, 10–15, 20. Некоторые слуховые нотации З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса уже с разбивкой
на такты были опубликованы: Там же. № 21–29.

О вышеизложенном постановлении Правления ГИИИ сообщается Вам для сведения и исполнения.

Директор Института
/Ф. И. Шмит/ Федор Шмит
Ученый Секретарь Института
/А. В. Финагин/ А Финагин

*Источник: ОР РГБ, ф. 948 (С. И. Бернштейн), картон 3, ед. хр. 23, л. 24
Машинопись на бланке, автограф Ф.И. Шмита и А.В. Финагина*

Литература

Бернштейн С. И. Звучащая художественная речь и ее изучение // Поэтика. Л., 1926. Т. 1. С. 47–49.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Записи былин от И. Г. Рябина в 1921 г. // Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева / Под общ. ред. А. Астаховой и В. Базанова; подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948. С. 36–39.

Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под. ред. Е. В. Гиппиуса; сост и текстол. подг. текста к печати З. Я. Можейко; ред. белорус. текстов М. Я. Гринблата. М., 1979. С. 6–14.

Дорохова Е. А. Неизвестные страницы пинежских экспедиций 1927 и 1930 годов // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 4 (5). С. 40–48.

Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии / Собр. и излож. в драм. форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916. 119, 24, IV с. с нот., [7] л. илл.

Золотухин В., Шмидт В. «Хрипели в КИХРе голоса...»: Опыт реконструкции исследований звучащей художественной речи в Государственном институте истории искусств (1920–1930) // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (19). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/129/16z.html> (дата обращения 10.01.2019).

Иванова Т. Г. Б. М. и Ю. М. Соколовы (Миллеровское крыло «исторической школы») // Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. И. Андерсон, Д. К. Зеленин, И. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 60–85.

Иванова Т. Г. Ирина Валериановна Карнаухова – фольклорист и писатель // Сказки и предания Северного Края в записях И.В. Карнауховой. М., 2008. С. 11–34.

Колтакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста) с рисунками автора / Подг. текстов: А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский; библиогр. А. Ф. Некрыловой, вступит. статья В. Е. Гусева. СПб., 2002.

Крестьянское искусство Севера: Об искусствоведческой экспедиции на русский Север. Л., 1926.

Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927.

Латин В. А. К предыстории и выработке комплексного искусствоведческого подхода в работе первых северных экспедиций Государственного института истории искусств // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 4. С. 71–86.

Лобанов М. А. Заонежская экспедиция Зубовского института в неопубликованных материалах 1920-х годов // Вопросы этномузыкознания. 2015. № 2 (11). С. 14–27.

Лойтер С. М. Экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и ее участница Е. В. Ржановская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1 (февраль). С. 61–66.

Марков П. А. О театре. М.: Искусство, 1976. Т. 3: Дневник театрального критика.

Материалы к биографии Б. Асафьева / [Сост., вступит. статья и коммент. А. Н. Крюкова]. М., 1981.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, науч. коммент., справ. аппарат В. А. Бахтиной; отв. ред. В. М. Гацак; подгот. к печати нотировок Т. С. Шенталинской; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. Т. 1: Эпическая поэзия. М., 2007.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, науч. коммент., справ. аппарат В. А. Бахтиной; отв. ред. В. М. Гацак; подгот. к печати нотировок Т. С. Шенталинской; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2007. Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М., 2011.

Никаноров А. Б. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд о своей исследовательской деятельности в 1920-х гг. // Временник Зубовского института. Вып. 11: Фольклористика в Зубовском институте. СПб., 2013. С. 74. С. 71–77.

Отчет о научной деятельности Отдела словесных искусств ГИИИ с 1/I 1926 по 1/I 1928 г. // Поэтика. Л., 1928. Вып. 4. С. 149–155.

Песни Карельского края: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд.: С примеч. / Сост. и авт. вступит. статьи Т. В. Краснопольская; общ. ред. Б. М. Добровольского; эквиритм. пер. поэт. текстов карельск. и фин. песен выполн. Л. Блюдником и Б. М. Добровольским; пер. поэт. текстов карельск. причитаний и ред. карельск. текстов А. С. Степановой; нотирование карельск. причитаний выполн. А. Г. Гомон. Петрозаводск, 1977.

Пицальникова В. А. Сергей Игнатьевич Бернштейн – человек и ученый (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 81–85.

Подрезова С. В. Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома // Рябининские чтения – 2019:

Материалы VIII Конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 446–449.

Предисловие // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 5–8.

Романов К. К. Жилой дом в Заонежье // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 21–49.

Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера: Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 11–20.

Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. М., 1915.

Соколовы Б. М. и Ю. М. Живая старина в Белозерском крае: Отчет о командировке 1909 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Т. 1. С. 1–20.

Финагин А. В. К вопросу о взаимоотношении художественной и бытовой песни (По материалам Заонежской экспедиции) // De musica: Временник Отдела теории и истории музыки. Л., 1927. Вып. 3. С. 62–69.

Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926–1934 годов. Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб., 1998. С. 403–438.